

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ГОЛОДОВКИ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ГОЛОДОВКИ

ПОСЕВ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ГОЛОДОВКИ

МАЙ — ИЮНЬ 1969 ГОДА

ПОСЕВ

Обложка работы художника
Н. И. Николенко

© Possev-Verlag V. Goracheck KG 1971
Frankfurt/Main
Printed in Germany

ПИСЬМО Ю. ДАНИЭЛЯ

Дорогой мой друг, спасибо Вам за Ваше письмо, такое неожиданное и такое доброе. Спасибо за пожелания. Дай Бог им осуществиться, хотя, признаюсь Вам как на духу, надежд на это у меня мало. Вы просите, чтобы я написал Вам о себе — о своем быте, о друзьях, о работе, о той, что я делаю по принуждению, и той, настоящей, для которой, как Вы считаете, я «предназначен судьбой». Трудная задача... Справиться с ней лишь под силу дневникам, но в конце 1967 года у меня отобрали две тетради дневниковых записей, и они исчезли бесследно. Восстановить их я уже не сумею, продолжать — не хватает духу: все равно отберут. Жаль, что Вы живете не в Москве. Во-первых, кое-что Вы знали бы из писем моей семьи. (А теперь уже даже не семье, а только сыну). Во-вторых, Вы не обратились бы ко мне с этой простой просьбой — написать Вам. Моим москвичам уже хорошо известно, что мне разрешено лишь два письма в месяц, из которых одно идет сыну, а другое, разумеется, жене в Сибирь. Почему именно два, а не три или не одно — для меня это загадка. Очевидно, те, кто изобретают правила режима для таких как я «особо опасных государственных преступников», решили, что нас, «особо опасных», эмоции захлестывают один раз в пятнадцать дней, а те, которые в отличие от нас не на «строгом режиме», а на «общем» или «усиленном» — те много эмоциональнее нас и потому могут писать своим женам, детям и друзьям сколько душе угодно. Многое, друг мой, непонятно мне. Я, как Вы знаете, полный профан в юридических науках и других смежных с ними и поэтому в простоте душевной всегда считал, что слова, бытующие в угодиях юстиции,

однозначны; также я полагал, что, если слова записаны в законе, то они должны материализоваться в повседневной нашей практике. Увы, я при всем своем скептизме был слишком наивен. В читанных мною книгах, статьях, кодексах, в слышанных мною лекциях, беседах, посвященных проблемам «преступления и наказания» чуть ли не в каждой фразе я встречал такие слова, как «исправление», «воспитание», «перевоспитание» и т. п. Я даю Вам честное слово, что за то время, что я провел за проволокой, я ни разу не видел ничего, что хотя бы отдаленно напоминало мне «исправление» или «воспитание». То есть, слова эти употребляются ежечасно, это самые ходовые термины в не слишком обширном лексиконе нашего начальства, но содержание их... Знаете, русское слово «позор» значит по-чешски «внимание». Так и здесь — кажется, что те слова и термины, которые мы привыкли употреблять, раз и навсегда согласившись об их значении, — эти слова переведены на какой-то особый, лагерный, нерусский язык. При таком художественном переводе голодный паек может, разумеется, звучать как «воспитание», а наручники как «перевоспитание». А можно и наоборот назвать предмет или явление подругому: чудеса в решете, магия слова, торжество эвфемизма! Вот, например, ошибаетесь, если думаете, что я сидел в тюрьме — я «содержался в следственном изоляторе», и меня не бросали в карцер, а «водворяли в штрафной изолятор», а занимались этим не надзиратели, а «контролеры», и это письмо я пишу Вам отнюдь не из концлагеря, а из «учреждения» (таков наш почтовый адрес — похоже, для того, чтобы не смущать нежные души почтовых работников). Сами понимаете, что пробыть 5 лет (или 15 или 25) в «учреждении» — совсем не то, что «просидеть

5 лет в лагере». Равно как и «отказ от приема пищи» переносится значительно легче, чем «голодовка». Да, вот голодовка. Не знаю, слышали ли Вы, что было у меня и моих товарищей такое развлече-
ние? Было год с лишним назад, и это, мягко выра-
жаясь, не лучший эпизод в моей жизни. Вот сейчас снова приходится сталкиваться с этим. Вы скажете — самоуничтожение. Да, согласен. Вы скажете — бесперспективно. Возможно, так. Вы скажете — же-
стоко по отношению к близким. И это верно, но, друг
мой, а что же еще остается делать, когда использо-
ваны все мыслимые и немыслимые способы добиться
справедливости — и все безрезультатно? Причем, не
думайте, что я говорю о некоей «справедливости»
лишь в нашем «арестантском» понимании. Речь идет
о том, запрещение чего законом и не предусмотрено
и, стало быть, не является нарушением каких-то
норм и правил. Я все забываю, что Вы не поймете с
полуслова, как уже привыкли понимать москвичи,
что Вы не в курсе наших дел и волнений.

Вот Вам в двух словах ситуация. У меня здесь
есть товарищ. Вы наверняка слышали и читали о
нем — это Александр Гинзбург. Алик, как зовут его
все знакомые. Не буду играть беспристрастия. У
меня к нему особое отношение, вполне объяснимое,
если знать, что единственной причиной его ареста
была книга «Процесс Синявского и Даниэля», со-
ставленная им. Когда я только узнал об этой книге,
я сразу подумал о доброте и рыцарственности авто-
ра; когда я познакомился с ним, то убедился, что
так оно и есть. И вот что происходит с ним и еще с
одним человеком, которого я знаю лишь по письмам,
фотографиям и рассказам, — с Ириной Жолковской.

Алик Гинзбург и Ирина — муж и жена; они были,
выражаясь казенным языком, в «фактическом»

брачке. Надо объяснять, что это значит? Наверное, надо, потому что, оказывается, кроме любви и близости — я-то, простофиля, думал, что этого вполне достаточно, чтобы быть мужем и женой, — кроме этого еще нужно «совместно проживать» и «вести общее хозяйство». И проживали они совместно, и общее хозяйство вели (и это подтверждено документально) и любили, и любят друг друга, и были близки. Всё было — не было лишь штампа в паспорте, не было регистрации брака. И вот сейчас им отказывают в праве быть мужем и женой. Если бы было все наоборот, то есть если бы они не жили вместе, не вели бы этого самого общего хозяйства, не любили друг друга и не были бы близки, но в паспортах стояли бы штампы, то тогда бы все было в порядке! Ни один самый ревностный чиновник не усомнился бы, что они супруги; а они, к несчастью, немного опоздали или КГБ несколько поторопился: Алика арестовали за шесть дней до ЗАГСа, до регистрации, до свадьбы. Да-да, они, как полагается, подали заявление в ЗАГС, чтобы стать мужем и женой не только по существу, но в глазах домоуправления. И вот — арест. Ладно, арестовали, судили, осудили. Не будем говорить о соответствии всего этого закона и правосудности. Это — тема отдельная. Но вот вопрос: что же им мешает завершить юридические процедуры по оформлению брака? Закон? Нет, закон не предусматривает запрещения оформления брака между тем, кто в заключении, и тем, кто на воле. Может, прецедента не было? Нет, был. В январе 1966 г. в Ленинградской тюрьме — виноват, в следственном изоляторе! — был зарегистрирован брак осужденного по той же статье УК, что и Гинзбург, В. М. Смолкина с его невестой, Наташей Чернявской. Причем, ситуация была абсолютно аналогич-

ной: Валерий и Наташа подали заявление в ЗАГС, за какой-то пустяковый срок до свадьбы произошел арест, но их все же зарегистрировали — все честь-честью, с официальными служащими, со свидетелями, с поздравлениями и с вожделенным «свидетельством о браке». И, между прочим, ни у кого даже не возникло вопроса о «фактическом браке» — был он или не был. И вполне разумно, естественно, человечно: раз люди любят друг друга, пусть будут мужем и женой. Ведь даже дореволюционные, царские власти дали возможность обвенчаться В. И. Ленину и Н. К. Крупской, чтобы они могли быть вместе в ссылке. А вряд ли у царских властей было меньше претензий к Ленину, чем у советской власти к Гинзбургу! Случай со Смолкиным, возможно, не единственный, но именно он мне известен досконально: Смолкин был моим приятелем, а свидетель при бракосочетании, Сергей Мошков, и сейчас мой товарищ. Я не знаю, как обстоит дело с подобными браками в зарубежных странах: если верить Л. Фейхтвангеру и его роману «Успех» (основная тема которого — реакционность баварской юстиции 20-х годов), то браки между заключенными и «вольными» были нормой. Впрочем, нам ведь заграница не указ...

Так как же все-таки с Гинзбургом и Жолковской? Может быть, их «фактический брак» подвергается сомнению в «соответствующих инстанциях»? Нет, не подвергается. Более того, он признан официально: осенью 1968 г. у Ирины и Алика было так называемое «личное свидание» — в отдельной комнате и без посторонних глаз, в отличие от «общего свидания», где в присутствии надзирателя вы можете провести от часа до четырех. Выходит, все хорошо? Как бы не так! Недавно вышла инструкция, рожденная в

недрах МООП¹: свидания «личное» и «общее» разрешаются лишь по предъявлении свидетельства о браке. Значит, конец. Значит, они не увидят друг друга до конца заключения Алика. Но, может быть, раз закон не запрещает, раз были прецеденты, раз брак между ними признан, черт побери! — может быть, им разрешат зарегистрироваться?..

Ирина Жолковская бегает из ведомства в ведомство. От одного высокопоставленного лица к другому. С нею безукоризненно вежливы, ее сочувственно выслушивают — может быть, такая регистрация будет в принципе разрешена, но критерием для разрешения и отказа в каждом случае будет, извините, наличие или отсутствие детей... А у вас деток нет? Ах, не успели... Очень, очень жаль.

Когда я слышу все это, когда читаю письма, мне хочется вонзить во всю глотку. Да что же это такое?! Люди несут крест — тяжелей не выдумаешь, Гинзбург лишен свободы — страшнее этого, помоему, только смерть. Он разлучен со всеми близкими — и они разлучены с ним.

Почему, на каком основании, по каким законам, божеским, человеческим, государственным, у него и его жены отбирают право видеться? Почему к нему не приложили то, что возможно с другими? Какой мыслитель из министерства установил, что дети — непременная составная брака? По его разумению, Ленин и Крупская, стало быть, не были мужем и женой. А если люди в самом деле не успели родить ребенка? А если они не могут его родить? Скажем, если женщине запретили врачи? Логики во всей этой безобразной истории — ни крупицы, с начала и до неотвратимо надвигающегося конца. Я уже не говорю о таких неведомственных категориях, как человечность, гуманизм. Хотя, впрочем, что

же это я? Почему же «вневедомственных» — «наказание не имеет целью... унижение человеческого достоинства» (УК РСФСР, ст. 20 «Цели наказания»). Так как же насчет человеческого достоинства в этой ситуации? Советское уголовное право, криминология, исправительно-трудовое право, педагогика и психология «признают, что каждый правонарушитель при условии глубокого и всестороннего изучения его личности, определения наиболее эффективных для данной личности приемов исправительно-трудового воздействия может быть исправлен» («Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений», М., Изд-во юрид. лит., 1968 г.). Надо полагать, что для Гинзбурга нашли такой «наиболее эффективный прием» — не давать свидания с женой. А почему бы не ускорить процесс исправления — запретить свидания и с матерью? Тем более, что это будет ох, как гуманно, по отношению к ней: она тяжело больна и ей трудно ездить на свидания. Читаете Вы это письмо и, небось, мысленно обращаетесь ко мне: «Так ведь этот Гинзбург, ваш товарищ, наверно, на вас похож! Терпеть не может делать и из рук вон плохо делает нелюбимую работу, отлынивает от нее, «заведется с полоборота» и лается с начальством, взысканий нахватал уже целый короб, как и вы... где уж относиться к нему нормально?» Так вот, непохож он на меня. Любую работу делает ловко и умело, ниже стопроцентной выработки у него еще ни разу не было; сдержан, безупречно вежлив и вполне «парламентарен» в выражениях, ни одного взыскания у него нет. И всё начальство в один голос: «Поведение безукоризненное!» Ничего не помогает. А что же Гинзбург?

Он-то ведь не может бегать по заветным кабинетам и объяснять, как он любит Ирину. А он говорит

просто: «Если они не дадут мне возможности увидеться с Ириной, я объявлю голодовку и не буду есть до тех пор, пока не получу свидания или не сдохну». И улыбается. А улыбаться он умеет хорошо. Убедительно улыбается. И я верю его улыбке. А другой мой товарищ говорит: «А я к тебе присоединюсь, Алик». А Ирина пишет: «Пусть меня тогда тоже сажают, раз не дают встречаться» (а тем временем ее выгоняют с работы. И выгоняют как жену Гинзбурга, не пожелавшую почему-то одобрить приговор своему мужу!) А я? А я пишу Вам письмо, мой друг, и подробно отвечаю на вопрос о моей жизни, о друзьях и о мыслях. Сейчас именно это — мои мысли, именно это — моя жизнь. Никакой другой жизнью мне сейчас не живется, ни о чем другом не думается. Я не вижу, чтобы кто-нибудь смог ответить на такой простой вопрос: «Кто в этой ситуации заинтересован? Алик? Ирина? Их родители или друзья? Лагерная администрация? Министерство внутренних дел? Комитет государственной безопасности? Закон? Государство? Все прогрессивное человечество?» На любое предположение мыслим лишь один ответ: «Нет». Что же в конце концов стоит на пути к единственному разумному и человечному решению вопроса? Я не знаю. И, кажется, никто не знает. Может быть, то неопределенное и все-проникающее явление, которое зовут бюрократизмом и которое Ленин определил как действия правильные формально и издевательские по существу? Я процитировал не дословно. Впрочем, это не так уж важно, потому что к тому, о чем я рассказал, приложима лишь вторая половина ленинской формулы...

Друг мой, простите за мрачное письмо. Когда-нибудь, если у меня появится возможность, я напи-

шу Вам что-нибудь повеселее, а пока я лишь тоскую, жду надвигающихся событий. Очень это страшно, когда испытательный срок ЗАГС'ом длится 28 месяцев, а то, что человек его выдержал, подтверждается голодовкой... И кто знает, не начнется ли цепная реакция — лагерь-то, в основном, политический. И совсем недавно, в этом месяце, мы были на грани коллективной голодовки — но на этот раз, слава Богу, обошлось благополучно... Как хотелось бы закончить словами любимого моего Пастернака:

Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра,

но, признаюсь Вам честно: нет у меня той веры, что была у настоящих Поэтов и Мастеров. До свидания, постарайтесь не разлюбить меня за письмо.

Ваш
Юлий Даниэль

1969 год, март

ПИСЬМА А. ГИНЗБУРГА

НАЧАЛЬНИКУ УЧАСТКА 17-а
майору Анненкову

от Гинзбурга Александра Ильича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Настоящим уведомляю, что с сегодняшнего дня я держу голодовку. Причина голодовки — фактическое лишение возможности видеть близких. Все подробности и требования я изложил в письме в Президиум Верховного Совета СССР, отправленном 12 мая. К местной администрации претензий по этому поводу не имею. Беседовать на эту тему с теми, кто не вправе положительно решить вопрос, считаю бессмысленным.

Александр Гинзбург

16 мая 1969 года

ЧЛЕНУ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
Академику Петровскому И. Г.

от Гинзбурга Александра Ильича

Гражданин член Президиума Верховного Совета, гражданин ректор университета, гражданин академик!

Не буду представляться — кто я и что я, об этом написано в бумаге, которой администрация лагеря сопровождает это письмо.

Объясню только, почему я пишу и почему именно Вам.

Второе объясняется просто. Не люблю и не умею писать официальные бумаги. А писать надо, и куданибудь повыше, потому что с местным начальством объясняться бесполезно. В брошюре про Президиум я встретил Ваше имя, так и сошлось одно к одному — и инстанция, и человек, который хоть и сбоку, но все же знаком с ситуацией, из-за которой приходится писать.

Насколько мне известно, на днях под вашим председательством состоится заседание Ученого Совета университета, на котором утвердят увольнение моей жены — преподавателя подготовительного факультета И. С. Жолковской. Пока мое письмо до Вас дойдет (если дойдет вообще), обо всём этом можно будет говорить в прошедшем времени — заседали, утвердили, уволили. Значит, знаете, о ком идет речь. Впрочем, жена мне и раньше писала, что Вы ее судьбой интересовались, или, во всяком случае, в курсе дела были. Следовательно, о многом мне и говорить Вам не нужно.

Пишу же я вот почему.

Хоть и выгоняют с работы мою жену как жену Гинзбурга, а вот увидеть меня ей не дают, поскольку, говорят, фактическая жена это еще не совсем жена, т. е. жена, конечно, но свидания со мной ей «не положено». Под лагерным забором ходить, письма писать, книжки посыпать — это пожалуйста. А вот, скажем, деньги от меня получать, здесь заработанные — это только «ближайшим родственникам», а никак не ей. Ну, с деньгами мы уж какнибудь поладим, а вот со свиданиями...

Расскажу всё по порядку.

Прожили мы с женой, не регистрируя брак, пол-

тора года. Можно было бы объяснить, почему не регистрировали, но это к нынешнему делу отношения не имеет, да и вообще никого не касается.

А в декабре 1966 года мы подали заявление в ЗАГС (отдел ЗАГС Кировского р-на г. Москвы). В январе нас должны были зарегистрировать. Один раз пришлось регистрацию отложить, мать у меня в это время болела. А за неделю до второго назначенного дня меня арестовали.

Тут еще одна деталь. Знай я, что меня арестуют, так или поторопился бы с регистрацией или еще что-нибудь сделал. Но ощущение возможности ареста было у меня только в октябре-ноябре 66 года. Отнес я тогда свой сборник в КГБ и вовсе не был уверен, что меня не заберут — организация такая, что никогда не знаешь, что ей в голову взбредет. Но прошел месяц, другой, я успокоился, стал устраивать свое будущее. Мне бы, дураку, подумать тогда, что обязательно постараются посадить. За это нельзя, так что-нибудь еще подберут, опыт у них есть. Мне вот подбрали НТС, другому — «нарушение паспортного режима». Кому-то там, говорят, даже самогоноварение. Но я отвлекся.

Пока мне подбирали обвинение и судить меня готовились, моя жена обивала пороги самых разных инстанций, чтобы нам разрешили зарегистрировать брак. По ее словам, написала она больше 15-ти заявлений с просьбой о регистрации (в МосгорЗАГС, начальнику Лефортовского следственного изолятора Петренко — до и после суда, Председателю Мосгорсуда Осетрову — до и после суда, Председателю Верховного Суда РСФСР Смирнову — дважды, в отдел ЗАГС'ов юридической комиссии при СМ РСФСР, Председателю Верховного Совета СССР Подгорному — трижды, Председателю КГБ Андро-

пову — дважды в ГУМЗ² МООП СССР, Генеральному прокурору Руденко и т. д.) и даже на некоторые из них получила ответы.

Я, пока находился в Лефортове, писал в те же инстанции, но дальше Мосгорсуда или КГБ мои заявления не шли, куда бы они ни были адресованы. Ответы я получал только из КГБ или от прокурора по надзору за Лефортовской тюрьмой. Ответы были такие (по порядку): «Вопрос не может быть решен до окончания следствия»; «Не можем разрешить до суда», «...пока приговор не вошел в законную силу». А как только он вошел в эту самую силу, меня через день отправили в лагерь, а уж здесь прямо в правилах написано: «Регистрация брака заключенных в период пребывания в исправительно-трудовых лагерях не производится». А за два дня до отправки в лагерь прокурор по надзору без тени сомнения в голосе уверял меня: «Вот приедете в лагерь, тут же и распишитесь. А здесь ведь изолятор, и мы избегаем всякого лишнего общения, даже с родственниками». Кстати, в этом самом «изоляторе», мне дважды — в январе и в апреле 1968 года предоставили свидания с женой. Не подумайте, что добивались мы, пока я был в тюрьме, чего-нибудь необыкновенного или, не приведи Бог, запрещенного. В 1966 году в совершенно аналогичной ситуации в Ленинградском изоляторе КГБ был зарегистрирован брак политзаключенного В. Смолкина. Порядки с тех пор не изменились, недавно там же зарегистрировали брак Л. Квачевского (его еще и до лагеря не довезли, так что это было еще совсем недавно). Трудно допустить, что в Москве и Ленинграде разные на этот счет законы действуют. Противодействие регистрации распространялось в тюрьме только на меня и было одним из способов мести

за неподходящее, с точки зрения КГБ, поведение на следствии и суде: мало того, что не каётся, но еще и не признает то, чего не делал. Вот наглец! Ну мы тебе!

Это «ну мы тебе» я вспомнил не случайно. Я год в лагере, и оно сопровождает меня постоянно. Из двух возможных лагерей (11 и 17 Дубровлага) для нас с Галанковым выбрали 17-й, где мы единственны политзаключенные, попавшие сюда прямо из следственного изолятора. А так это «инвалидная» зона, куда посылают еще и тех, от кого начальство не ждет ничего, кроме неприятностей. В общем, штрафной изолятор. Жизнь на 17-м предмет особыго разговора, который я не хочу затевать, в этом письме.

Дальше началась лагерная эпопея. Правила есть правила. Зарегистрировать брак нельзя, но и в лагере, как в тюрьме, можно получить свидание и с фактическими женами, если фактические брачные отношения подтверждены документами, выданными местным советом, а для жителей крупных городов — ЖЭК'ом³ по месту жительства. Впрочем, что существовал такой порядок, я узнал от официальных лиц — представителей администрации совсем недавно, когда мне заявили, что теперь такой порядок кончился. А пока он существовал, те же лица говорили мне, и моей жене, что свидания предоставляются только «зарегистрированным супружам».

Вот что ответил моей жене 16. 8. 68 г. зам. начальника Управления Дубровлага подполковник Муренков: «...личное и общее свидания предоставляются только с близкими родственниками на основании документов, удостоверяющих родственные связи. Основанием для предоставления личного свидания жене с мужем является свидетельство о браке».

Через несколько дней, еще не зная муренковского ответа, я поговорил с начальником политотдела Дубровлага подполковником Осиповым. Не знаю, чем уж я пронял подполковника, но 26. 8. 68 г. моей жене послали телеграмму, смысл которой был «приезжайте, достаточно справки из ЖЭК'а». Итак, вроде бы и на меня распространился общий порядок... И жена ко мне приехала, но...

На эти ЖЭК'овские справки официальной формы не существует. И потому в справке, выданной моей жене, было сказано не только, что она «является фактической женой А. И. Гинзбурга и вела с ним общее хозяйство» (есть такое юридическое определение фактического брака), но и что «это подтверждается заявлениями матери и соседей Гинзбурга». Из-за последней фразы свидания с женой в августе мне и не дали.

Поясняю. Свидания бывают «общие» и «личные». «Личное» — это раз в год наедине с близкими продолжительностью до 3-х суток (формально), «общее» — трижды в год в присутствии любого количества надзирателей до 4-х часов (тоже формально). Я не случайно пишу, что это «формально». Хоть и сказано в правилах наших: «Заключенные имеют право на свидание в порядке, установленном для данного вида режима», а для нашего — строгого — установлена именно такая продолжительность свиданий, фактически время свиданий определяется администрацией. И тут ясно видна разница между нашим 17-м и другими лагерями строгого режима. Там, скажем, чтобы получить меньше 3-х суток личного свидания, нужно иметь достаточно серьезные взыскания. Здесь, чтобы пробыть на свидании больше суток, нужно заслужить расположение администрации особыми заслугами — каяться в стенной

или общелагерной газете, доносить и т. п. Если, конечно, ты не военный преступник, не бериевец, не штатный стукач из неудавшихся шпионов.

(Думаю, Вам не надо объяснять, что такое стукач.) Впрочем, как правило, эти категории заключенных имеют и все особые заслуги — им не привыкать стать каяться, предавать, продавать, опять каяться. Они же на всех лагерных «должностях» и «постах», они же по привычке «наводят порядок» и «организуют общественные мероприятия» (на 11-м хор бывших полицейских поет «Бухенвальдский набат» и «Как невесту родину мы любим» — за посылку). У нас хоть, слава Богу, маленький лагерь и нет этой, простите, самодеятельности. В тех, видимо, чувствуют своих, им и свидания целиком, и посылки, и прочие «льготы». Ну, а мы коммунистов не вешали, евреев не выдавали... У Галанского вот свидание в прошлом году было 1 июня, вскоре после того, как нас привезли в лагерь. Взысканий нет, только что ученический срок кончился, а он даже норму дал целиком (это не часто случается). Приезжали к нему мать и жена, и дали им одни сутки свидания. Без объяснения причин — «мы вам объяснять не обязаны». Хорошо еще, что приехали в субботу, сутки целые получились. А к другому политзаключенному, к Ронкину, жена приехала накануне, так им только ночь одна досталась, а наутро его на работу погнали. Изредка кому-нибудь одному сутки накинут, если сын приехал, брат или сестра. С женой — ни за что. В общем, полный произвол со свиданиями, и сделать с этим что-нибудь почти невозможно. И жалобы писали, и «вопрос ставили», и в требование голодовки в прошлом году (это еще до нас) включали, чтобы прокуроры за этим надзирали, но бесполезно. Дело в том, что свидания — действен-

ный способ контроля общественности за тем, что здесь творится. А именно общественного контроля эта система и не терпит. При нынешней же ситуации иной родственник и подумает еще, стоит ли ехать за тридевять земель, чтобы час посидеть с сыном или мужем на общем свидании, не имея возможности не то что поговорить, но и конфету или бутерброд передать. Да что говорить — свидание через стол с перегородкой — обняться нельзя.

Но моя жена приехала, благо ехать меньше суток. И свидания не получила. Матери дали, а жена так и осталась стоять около вахты. Справка, видите ли, местное начальство не устроила; никто не сомневался, что жена, что можно, но вот в справке про соседей писать «не положено». Потом были длительные личные и почтово-телефонные переговоры с управлением о форме справки, пока тот же Муренков не подтвердил, наконец, что новая справка по всей форме. И было у меня в сентябре личное свидание с женой. Одни сутки, конечно. Но и на том спасибо.

Следующее общее свидание должно было быть в конце декабря (по закону они три раза в год, но практически получается реже, т. к. три раза в год толкуется как «не раньше, чем через 4 месяца»). Родственники не всегда могут приехать в точно установленный день (работают ведь), или нас могут увезти куда-нибудь на месяц-два, или просто карантин по поводу гриппа или другой какой заразы, и график свиданий автоматически передвигается. У меня в этом году больше двух свиданий не получится, потому что май на дворе, а еще не было ни одного.

В середине декабря нам сообщили, что есть приказ Министерства внутренних дел СССР (как я поз-

же узнал, от 28 октября), по которому личные свидания будут предоставляться только зарегистрированным супружам. Ну, я забеспокоился, забегал, потому что свидание на носу было. Меня успокоили, что касается этот приказ только личных свиданий. И общее у меня, действительно, состоялось. Продолжалось оно 3 часа.

После этого свидания жена продолжала хлопотать о нашей регистрации. Затрудняюсь сосчитать ее визиты в ГУМЗ (теперь это называется ГУИТУ),⁴ письма в Дубровлаг и во все остальные концы. И добилась... что ее и на общее свидание не пускают. А все просто. В письме к вышеупоминавшемуся Осипову жена спросила: «Смогу ли я в дальнейшем получать общие и личные свидания с мужем?» Заместитель Осипова подполковник Сучков ответил: «Сообщаем, что регистрацию брака и предоставление свиданий с гр-ном Гинзбургом А. И. разрешить не можем. На основании нормативных актов, регулирующих деятельность исправительно-трудовых учреждений, регистрация брака с лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, не производится. Основанием для предоставления свидания служат документы, подтверждающие брачные отношения, т. е. свидетельство о регистрации брака». Ну точно, как у Муренкова в августе. А спросила бы только о личных свиданиях, глядишь, и получили бы общее в апреле. Теперь же начальству от своих слов отказываться неудобно. Может, я и ошибаюсь, да дело от этого не меняется.

В ГУМЗе же, атакованном, очевидно, всеми фактическими женами, начали подумывать о разрешении регистрации брака в лагерях. Так, во всяком случае, моей жене, объяснили. И еще, что они, мол, за это разрешение, а Прокуратура против. И Руден-

ко пока болен, а без него этот вопрос решить никак нельзя. Мне, правда, кажется, что на случай болезни у Генерального Прокурора заместители имеются, да и сам Руденко успел за это время на конференции о неприменимости сроков давности к преступникам против человечности выступить, а наш воз и ныне там. Звонит жена регулярно в ГУМЗ, а ей говорят: позвоните через недельку, через две, через месяц.

Впрочем, в ГУМЗ'е ее лично не обнадеживали. Позволю себе процитировать большой кусок письма жены ко мне, чтобы ни на йоту не отойти от того, что я знаю: «14 марта я была на приеме в ГУМЗ'е и разговаривала с Корсакевичем (помнишь, он присыпал мне в августе ответ, он зам. начальника отдела Главного Управления). Он сообщил мне, что пока разрешения даже в общем плане не получено. Болен Руденко, а именно он и должен дать последнюю санкцию. Корсакевич сказал, что они не сомневаются, что разрешение будет дано, но никаких «широких свадеб» они устраивать не собираются, а разрешать будут тем, у кого уже есть дети. — А как же быть с теми, у кого вообще не может быть детей? — спрашиваю. — Так, если детей нет, значит, и брака не было? — Да, конечно, — отвечает, — бывает, но в основном... и т. п. — Критерий, — говорю, — выбрали вы какой-то странный. А у нас вот зато было общее хозяйство. — Это, — говорит он, — не то». Ну что тут скажешь? Стали мы с Людмилой Ильиничной (это моя мать) толковать о том, что кроме нас двоих никого у тебя нет, а ей одной трудно, говорили о том, какая она больная, о ее сердечном приступе на последнем декабрьском свидании. — Я все равно буду туда ездить, — говорю я. — Не советую, — отвечает. — Да вы посмотрите на Люд-

милу Ильиничну — может она одна проделать такой путь? — спрашиваю. — Нет, не может, — отвечает. — Так что же, мне посторонних просить? — Нет, не надо. — Вот, — говорю, — так и получается. Одна Людмила Ильинична ездить не может, я буду все равно ее сопровождать. А там ходить под колючкой и не смогу увидеться с моим мужем ни на минуту, даже на общем свидании. А что муж, ведь вы и сами признали, на личное свидание пустили, да и раньше все признавали, и суд, и тюрьма. — Да, — говорит, — вижу все это, сложное у вас положение, но если говорить честно, я считаю, что у вас ничего не выйдет — безнадежный у вас случай. — Почему же? — говорю. — Да вот, детей у вас нет» и т. д. и т. п. «Сказала я ему, что собираюсь дойти до самых высоких инстанций и действовать буду, не останавливаясь ни перед чем».

Ну, я по себе знаю, чем кончаются хождения в высокие инстанции. Для жены я этого не хочу.

Когда убедились мы, что регистрация — дело, по меньшей мере, затяжное, начали хлопотать об очередном общем свидании — апрельском. Мать написала большую и обстоятельную просьбу в Политотдел Дубровлага, чтобы жене позволили со мной свидание, т. к. сама мать больна и одна ехать не может (готова представить справки). Вот ответ ей от Сучкова: «Сообщаю, что Управление и Политотдел не могут изменить порядок предоставления свиданий и делать какие-либо исключения для отдельных лиц. По этим основаниям не может быть разрешено свидание гр-ке Жолковской с Вашим сыном Гинзбургом. Свои супружеские отношения они не оформили в установленном законом порядке. Именно это повлекло последствия, вызывающие Ваше беспокойство. Вопрос о регистрации брака в

местах заключения пока не разрешен». Ответ датирован 15 апреля.

Еще не зная этого ответа, я со своей стороны 19 апреля написал Муренкову, просил разрешить свидание в порядке исключения, учитывая состояние здоровья матери, если это не разрешено в общем порядке. Прошло две недели, ответа пока нет. Подожду еще неделю, пусть и это мое письмо к Вам полежит, подождет. Но на положительный ответ я не рассчитываю, потому буду думать, что бы мне предпринять.

А собственно, почему бы не сделать в данном случае для меня исключение! Работаю я хорошо — вон даже в стенгазете меня регулярно в числе передовиков упоминают, почти половину своего срока отсидел и умудрился ни одного взыскания не заслужить (а это здесь труднее, чем хорошо работать), даже политзанятия посещаю (что еще труднее). Что не стучу, так это пробелы воспитания. А каяться мне не в чем: с НТС, думаю, мы с Вами одинаково связаны, а то, что я действительно сделал сборник «Дело Синявского и Даниэля» — этого и суд антисоветским не признал.

Так и идет. С одной стороны, придраться не к чему, с другой — полюбить меня начальству не за что.

Возвращаюсь к письму после 10-дневного перерыва, чтобы уже сразу закончить его.

Ответа от Муренкова я так и не дождался. Так оно и должно было быть. Зато пришел другой ответ. Не на мое письмо, а на запрос начальника лагеря. (Сам факт запроса меня поразил. Я был о местной администрации худшего мнения.) Послал начальник лагеря ст. лейтенант Горкушов запрос в

ЗАГС, подавали ли Жолковская и Гинзбург заявления с просьбой о регистрации в 1966 году, как пишут они теперь во всех заявлениях. Ответ привожу дословно: «На ваш запрос от 16 апреля 1969 г. за № 17/а-783 отдел ЗАГС Москворецкого р-на г. Москвы (б. Кировского) сообщает, что актовой записи о браке гр-на Гинзбурга А. И. с гражданкой Жолковской И. С. за 1966-68 г.г. не имеется. Книги полные. 26. IV. 69 г. Зав. отделом ЗАГС Барабашина».

Объявивший мне этот ответ наш непосредственный начальник майор Анненков только руками разводит: «Мы ж совсем не о том запрашивали».

А меня это не удивляет. Это определенная система отписок, применяющаяся достаточно широко, а по отношению ко мне — постоянно. Еще кассационная инстанция — коллегия Верховного Суда РСФСР — не ответила ни на один довод моей и адвокатской кассационных жалоб. Пишу я потом в КГБ, прошу вернуть мне мои магнитофонные пленки, изъятые при обыске и не приобщенные к делу (музыка, в основном) и получаю ответ: «Ваше дело направлено в Верховный Суд». Пишу в Суд, прошу вернуть материалы (книги, бумаги), не конфискованные при приговоре, а мне отвечают: «Решение о конфискации принято правильно». Чёрт возьми, но я же не оспаривал это решение, а именно на него ссылался. После таких ответов я уже ничему не удивляюсь. А видели бы Вы, что отвечают тем, кто с делом не знаком!

Итак, я более-менее по порядку изложил все имеющие непосредственное отношение к нынешней моей ситуации факты. Можно бы порассуждать о соответствии закона и отношения ко мне со стороны властей, осуществляющих закон, но не в этом суть, да и вряд ли Вы нуждаетесь в моих разъяснениях. Закон

(хотя бы тот же «О семье и браке») составлен так, что допускает разные толкования. А некоторые основополагающие принципы советского права к нам предпочтитаю не применять. Например, «закон, усиливающий тяжесть наказания, не имеет обратной силы». Как Вы думаете, легче или тяжелее сидеть, не имея свиданий? А по правилам, действовавшим, когда меня сажали, я бы сейчас о свидании не беспокоился.

Еще: «Запрещено лишь то, что запрещено законом». Регистрация брака в изоляторах КГБ не запрещена, выше я приводил и примеры регистрации. Запрещение регистрации в лагере (подзаконный акт, не находящий подтверждения в законе) — дело крайне сомнительное. Вот адвокат писала мне несколько месяцев назад, что Прокуратуре СССР это запрещение неизвестно, она специально об этом узнавала. Что ж, теперь это известно и Прокуратуре. В одном из своих последних писем жена мне пишет, что ей известен случай регистрации брака и в лагере (фамилию она не называет, режим усиленный, преступление — покушение на убийство, срок — 6 лет). Из опыта нашего лагеря я мог бы привести совсем недавние случаи личных свиданий незарегистрированных супругов. Но это уже то, о чем я просил Муренкова, т. е. исключение, ко мне не применимое.

На упоминание принципа «запрещено лишь то, что запрещено законом» нам постоянно отвечают, что всех запрещений не предусмотришь. Нет принципиального разрешения — значит нельзя.

Этим я и ограничусь в своих рассуждениях о законности. Известно, что «к нам это не относится», что «здесь нам не санаторий» и т. п.

В одном из своих последних писем жена, изложив

все свои хлопоты уже после отказа Сучкова матери, пишет: «Итак, чего же я хочу от тебя? Чтобы вел ты себя по возможности спокойно, не зарывался с начальством, а ни о каких голодовках даже и не помышлял. (Писать можешь, и даже лучше — в КГБ, в МВД, в Прокуратуру.) Клянусь тебе, что говорю я все это совершенно искренно и со всей ответственностью».

О голодовке — это не подсказка, а знание моего характера. Я не верю в пользу переписки с вышеуказанными организациями, на сотне примеров разуверился. Я не верю в правильность совета — «капля камень долбит». Я не «капля», министерства — не «камень». Я и так веду себя спокойно, ни с кем не «зарываюсь» — полсрока без взысканий тому свидетельство.

А голодовку я всё-таки объявлю (спокойно объявлю и на работу пойду — никаких нарушений), и будь, что будет. Подам начальству заявление: мол, причина голодовки — фактическое лишение возможности видеть близких, все подробности — в письме в Президиум Верховного Совета СССР (т. е. в этом вот самом письме), а к местной администрации претензий по этому поводу не имею, а потому объясняться с ней не намерен. Ведь, действительно, о чём нам с ними разговаривать? Они на службе, и в меру собственных личных качеств эту службу исполняют, а человечность ни уставом не предусмотрена, ни, видно, родителями в них не заложена.

Я понимаю, что длительная голодовка — это уже предпоследний способ протеста, но бесполезность в данном случае всех предшествующих ему для меня очевидна.

На что я рассчитываю? На то, что у кого-нибудь, кому это станет известно, проснется совесть и за-

хочется ему вспомнить некоторые заложенные в основе нашего государства принципы. Человечность — не последний из них. Я уверен, что человечность по отношению к политзаключенным не противоречит государственным интересам, которые Вам предоставлено право выражать. Теперь я с некоторой надеждой предоставляю Вам случай их выразить. Я не слишком рассчитываю на получение от Вас ответа, хотя очень хотел бы этого. Кстати, во время голодовки у меня будет и время ответить на любые интересующие Вас вопросы.

А. Гинзбург

1-11 мая 1969 года

4-Й ДЕНЬ ГОЛОДОВКИ

19 мая 1969 года

ЗАЯВЛЕНИЯ:

1. Даниэля Ю. М.
2. Галанскова Ю. Т.
3. Ронкина В. Е.

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Даниэля Ю. М.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Сообщаю вам, что находящийся здесь Гинзбург А. И. уже четвертые сутки голодает. К тому времени, когда это заявление дойдет до вас, пройдет еще несколько суток.

Я обращаюсь к вам с просьбой немедленно принять меры для прекращения этой самоубийственной голодовки, а именно: удовлетворить справедливые и вполне соответствующие закону требования Гинзбурга о предоставлении ему свиданий.

Если удовлетворение требований Гинзбурга находится вне круга деятельности вашего отдела или вне его компетенции, прошу передать это заявление тем лицам, от которых зависит благополучное разрешение вопроса.

Ю. Даниэль

19. 05. 1969 г.

P. S. Обращаюсь непосредственно в ваш отдел, потому что местная администрация не имеет возможности решить всё это самостоятельно.

Ю. Даниэль

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Галанского Ю. Т.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Гинзбург Александр Ильич одновременно со мною подавал заявление о регистрации брака в ЗАГС Кировского района города Москвы в декабре 1966 года, но его супружество с фактической женой Жолковской И. С. не было оформлено, т. к. он был арестован.

Находясь под следствием, Гинзбург неоднократно обращался в различные инстанции с просьбой разрешить ему оформить бракосочетание с его фактической женой Жолковской И. С. Но ему такой возможности не предоставили, хотя закон не запрещал оформление брака во время следствия или по окончании его или сразу же после суда.

В настоящее время Гинзбургу отказано в свиданиях с И. С. Жолковской. Оформить бракосочетание в настоящее время ему также не разрешают.

Принимая во внимание, что семейные отношения Гинзбурга прерваны не в результате его желания, а по причинам, не зависящим от него и по вине лиц, которые пренебрегли его человеческими правами, прошу компетентные органы принять меры, направленные на обеспечение его человеческих и законных прав.

16 мая 1969 года Гинзбург объявил голодовку в связи с тем, что он лишен возможности видеться со своей женой. Вот уже четвертый день он голодает. Положение таково, что я как друг Гинзбурга и лицо,

которому известен факт подачи Гинзбургом заявления о бракосочетании в декабре 1966 года, не могу оставаться равнодушным к покушению на его семейное положение.

Ю. Галансков

19. 05. 1969 г.

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Ронкина В. Е.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Гинзбург А. И. четвертый день продолжает голодовку. На мой взгляд, требование Гинзбурга о представлении ему свиданий с женой вполне справедливы. Прошу вас немедленно вмешаться.

В. Ронкин

19. 05. 1969 г.

P. S. Сегодня, на четвертый день голодовки, Гинзбург продолжает выходить на работу. Более того, на второй день голодовки ему был сделан администрацией выговор за то, что он не смог работать последние полтора часа.

В. Ронкин

8-Й ДЕНЬ ГОЛОДОВКИ

23 мая 1969 года

ЗАЯВЛЕНИЯ:

1. Даниэля Ю. М.
2. Галанскова Ю. Т.
3. Ронкина В. Е.
4. Бородина Л. И.
5. Сороки С. К.
6. Мошкова С. Н.
7. Платонова В. М.

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Даниэля Ю. М.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я вторично обращаюсь к вам по поводу голодовки А. И. Гинзбурга. Она продолжается уже восьмые сутки.

Он был изолирован только на пятый день, а до этого голодал и работал. Вы должны понять, насколько уже пострадал его организм, а что будет дальше!

Я прошу вас срочно принять меры: разрешить ему свидание с женой, а лучше всего регистрацию брака, это единственная возможность прекратить голодовку, пока она не вызвала необратимых последствий.

Ю. Даниэль

23. 05. 1969 г.

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Галанскова Ю. Т.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В заявлении от 19 мая сего года я обращал ваше внимание на положение Гинзбурга А. И. В связи с

тем, что он не имеет возможности получить свидание со своей фактической женой Жолковской И. С. Гинзбург А. И. вынужден был 16 мая 1969 года объявить голодовку. Он голодает уже восьмой день. Прошу принять меры с целью обеспечения его законных прав.

Ю. Галансков

23. 05. 1969 г.

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Ронкина В. Е.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Сегодня 23 мая А. И. Гинзбург продолжает восьмой день голодовки.

Прошу немедленно вмешаться, чтобы прекратить эту голодовку, которую Гинзбург вынужден держать, чтобы добиться законного права на свидание с женой.

Это мое заявление — второе. Первое я отправил на ваше имя 19 мая, но до сих пор не только не имею ответа, но даже не знаю, отправлено ли оно.

В. Ронкин

23. 05. 1969 г.

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Бородина Л. И.

ЗАЯВЛЕНИЕ

16 мая А. Гинзбург отказался от приема пищи, протестуя таким образом против бессмысленных и жестоких мер относительно его фактической жены, Жолковской И. С. Тот же документ, который был достаточным основанием для предоставления им свидания (справка ЖЭК'а), нынче по неизвестным причинам перестал быть таковым. Собственно причины можно предположить — это грубое давление на человека, это — желание доставить ему страдание, а то и спровоцировать на безрассудство. Гинзбург голодаёт, чтобы видеть женщину, чувствами своими и всеми своими действиями подтвердившую за эти два года право называться его женой.

Какими же побуждениями руководствовались «запретители»? Правительственно-социальными? Административно-воспитательными? Или это всего лишь мелочная мстительность?

Желания и требования Гинзбурга законны и моральны. Меры, принятые против него — бессмысленны и жестоки.

Надеюсь, что компетентные органы придут к разумному решению и ликвидируют инцидент на 17 л/о.

Л. Б о р о д и н

23. 05. 1969 г.

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Сороки С. К.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Любой честный человек не может оставаться равнодушным, когда видит несправедливость, а тем более опасность над жизнью человека. С 16 мая в зоне голодает Гинзбург А. И.

Нельзя считать нормальным, когда человека лишают права даже увидеться (без всяких причин) с собственной женой и родной матерью старушкой, поскольку без жены она не сможет приехать, не говоря о многом другом.

Прошу разобраться в создавшемся положении и устраниить причины голода.

С. Сорока

23. 05. 1969 г.

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Мошкова С. Н.

ЗАЯВЛЕНИЕ

16 мая политзаключенный Гинзбург объявил голодовку. Причины — запрещение свидания с женой И. С. Жолковской. То, что этот фактический брак остался не зарегистрированным, не вина Гинзбурга,

а следствие либо бестолковости, либо желания чиновников следственных органов и суда осложнить жизнь двух людей, и без того попавших в очень тяжелое положение. Считая требование Гинзбурга вполне законным, я прошу удовлетворить его, прекратив тем самым эту изнуряющую голодовку, подрывающую его здоровье.

С. М о ш к о в

23. 05. 1969 г.

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Платонова В. М.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я обращаюсь с настоящим заявлением в Прокуратуру СССР по велению своей совести и сознанию долга перед ближним. Речь идет о возмутительном отношении властей к А. И. Гинзбургу, человеку, ставшему мне близким другом уже здесь в лагере — и к его жене (фактической жене, выражаясь юридическим языком) И. С. Жолковской.

С некоторого времени компетентные органы решили, что коль скоро брак А. И. Гинзбурга с И. С. Жолковской официально не зарегистрирован, то они и не являются мужем и женой, а следовательно, не имеют права на свидание. Может быть, «А. И. Гинзбург и И. С. Жолковская не желают зарегистрировать брак?» — Вот первый вопрос, который приходит в голову, не искушенную в хитросплетениях

юриспруденции. Но нет, они только об этом и думают, бомбардируя все возможные инстанции массой писем и заявлений все об одном и том же — разрешении зарегистрировать брак. «А о чём же они думали раньше?» — встает законный вопрос в той же голове. О том же. Заявление о регистрации было подано в декабре 1966 года, но, к несчастью, слишком поздно. Через месяц А. И. Гинзбург был арестован. На неоднократные попытки А. И. Гинзбурга добиться регистрации в следственном изоляторе (это законом разрешается, к чему были прецеденты) ему отвечали успокоительными заверениями, что брак его можно оформить и после суда. А после суда его срочно привезли в лагерь, а здесь заключенные не имеют права заключать браки.

И все же А. И. Гинзбургу дважды лагерная администрация предоставляла свидания, признавая, видимо, И. С. Жолковскую его «фактической женой». И вот — свидания отменены. А. И. Гинзбург, отчаявшись чего-нибудь добиться путем переписки с инстанциями, пошел на крайнее средство. 16 мая 1969 года он объявил голодовку. Замечу кстати, что столь скрупулезное в выполнении инструкций «по запрещению», «недопущению» и т. д. лагерное начальство изолировало А. И. Гинзбурга только на пятье сутки. Четыре дня голодавший ходил на работу! Что это может иметь опасные последствия для здоровья, лагерное начальство не могло не понимать. Таково положение дела на сегодня. Гинзбург голодает. Совесть не позволяет мне оставаться безучастным. Со всей решительностью требую, чтобы срочно были приняты самые экстренные меры для предоставления А. И. Гинзбургу возможности видеться с его женой.

23. 05. 1969 г.

В. Платонов

13-Й ДЕНЬ ГОЛОДОВКИ

28 мая 1969 года

ЗАЯВЛЕНИЯ:

1. Галанскова Ю. Т.
2. Даниэля Ю. М.
3. Ронкина В. Е.
4. Платонова В. М.
5. Мошкова С. Н.
6. Бородина Л. И.
7. Сороки С. К.
8. Верхоляка Д.
9. Гаяускаса Б.
10. Калныньша В. Я.

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Галанского Ю. Т.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В декабре 1966 года Гинзбург А. И. одновременно со мною подавал заявление в ЗАГС Кировского района г. Москвы о регистрации брака с Жолковской И. С. (о чем имеется соответствующая запись в регистрационной книге ЗАГС).

Но бракосочетание не было оформлено, т. к. Гинзбург был арестован. Однако в ходе следствия, по окончании следствия до суда и после суда Гинзбург и Жолковская многократно обращались в различные инстанции с просьбой разрешить им оформить фактическое супружество (о чем имеется большое количество заявлений в деле).

Следствие обещало Гинзбургу разрешить оформить бракосочетание, но не сдержало своих обещаний. После суда Гинзбургу обещали, что такая возможность будет в лагере.

В сентябре и декабре 1968 г. Гинзбург и Жолковская дважды получали свидание, но в апреле 1969 г. им в свидании было отказано и заявлено, что в дальнейшем свидания даваться не будут. Потеряв все надежды на положительное рассмотрение этого вопроса, Гинзбург А. И. 16 мая 1969 года объявил голодовку. Вот уже 13-ый день он не принимает пищи. Прошу Вас принять срочные меры с целью обеспечения его человеческих прав. Или прошу сооб-

щить мне закон, дух и буква которого направлены не на укрепление семьи, а на ее ослабление.

Ю. Галансков

28. 05. 1969 г.

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Даниэля Ю. М.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Гражданин Генеральный Прокурор!

С аналогичными обращениями я уже дважды обращался в прокуратуру в отдел надзора за местами заключения: поскольку мои (и не только мои) обращения не привели ни к каким результатам, это заявление я направляю лично Вам.

Я с трудом, но все же допускаю возможность, что Вы не осведомлены о происходящем здесь, так вот, сообщаю Вам, что находящийся в 17 л/о А. И. Гинзбург уже 13-й день голодает. Причина этой голода — лишение его, Гинзбурга, возможности видеться с женой и отказ в разрешении на свидание.

Я не буду перечислять все обстоятельства, помешавшие регистрации брака между Гинзбургом и его фактической женой И. С. Жолковской. И не буду называть поименно тех, кто сделал все, чтобы в нарушение закона воспрепятствовать их браку — сейчас речь о другом. Нужно как можно скорее прекратить голодовку!

Единственное средство — выполнить требование Гинзбурга о регистрации или предоставлении свиданий. Это ни в коей мере не противоречит ни духу, ни букве закона.

Я прошу Вас: употребить власть, которой наделил Вас закон, вмешайтесь, прекратите это бессмысленное издевательство чиновников над Гинзбургом и Жолковской; медлительность и равнодушие вообще недопустимы, ибо речь идет о здоровье и жизни человека, находящегося в сфере Вашего влияния — под Вашей защитой.

Ю. Даниэль

28. 05. 1969 г.

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Верхоляка Д.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я обращаюсь к вам с просьбой немедленно вмешаться и принять все меры к прекращению голодовки Гинзбурга А. И. Будучи медработником, имеющим практический опыт наблюдения за голодающими (Шведов, Лупинос, Кочетов, Гигаурия), у которых в результате возникли не только параличи нижних конечностей, а также необратимая дистрофия, прошу вашего вмешательства, чтобы спасти жизнь человеку, пока еще не поздно.

Он голодаает с 16 мая 1969 г., причина голодовки та, что его лишили возможности видеться с женой.

В вашей возможности устраниТЬ несправедливость
и тем самым прекратить голодовку, угрожающую
здоровью и жизни Гинзбурга А. И.

Д. В е р х о л я к

28. 05. 1969 г.

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Платонова В. М.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Уважаемый гражданин Генеральный Прокурор.

Я обращаюсь с этим заявлением лично к Вам, так как дело не терпит отлагательства: А. И. Гинзбург голодает уже 13-е сутки. Причина этой затянувшейся голодовки состоит в том, что ему перестали предоставлять свидания с его фактической женой И. С. Жолковской. Я не буду утомлять Вас ссылками на документы, доказывающие со всей очевидностью, что это есть акт грубого и ничем не мотивированного произвола по отношению к А. И. Гинзбургу и его жене со стороны властей — их уже достаточно в Прокуратуре СССР.

Прошу Вас, гражданин Генеральный Прокурор, посредством личного вмешательства восстановить нарушенную справедливость, а тем самым ликвидировать серьезную угрозу, нависшую над здоровьем А. И. Гинзбурга.

В. П л а т о н о в

29. 05. 1969 г.

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Ронкина В. Е.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Гражданин Генеральный Прокурор,
сегодня уже две недели А. И. Гинзбург продолжает
голодовку, причиной которой послужило лишение
возможности видеться с женой.

Советское законодательство декларирует, что никакие постановления, отягощающие наказание, обратной силы не имеют. А ведь тяжесть наказания зависит не только от продолжительности срока, но и от условий содержания.

Следовательно, постановление, лишающее заключенных возможности свидания в случае незарегистрированного (фактического) брака не может быть распространено на лиц, осужденных до выхода этого постановления. К числу таких лиц принадлежит и А. И. Гинзбург.

Надеюсь, что Вы лично вмешаетесь, чтобы прекратить произвол и предотвратить эскалацию конфликта.

Ронкин

28.05.1969 г.

В ПРОКУРАТУРУ СССР
ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ

от Бородина Л. И.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Гражданин Генеральный Прокурор!

На 17-ом л/о уже 13 дней не принимает пищи Александр Гинзбург. Из-за формального отношения к делу он лишен возможности видеться со своей женой Жолковской И. С.

В Ваших силах, гражданин Генеральный Прокурор, прекратить страдания человека, претендующего всего лишь на право иметь семью. Для этого вовсе не требуется переиначивать советское законодательство, для этого достаточно просто здравого смысла. Нужно либо разрешить им зарегистрироваться, либо разрешить свидания.

Обращаясь к Вам, надеюсь, что Вашим вмешательством будет наконец разрешено это недоразумение.

28. 05. 1969 г.

Л. Б о р о д и н

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Сороки С. К.

ЗАЯВЛЕНИЕ

С 16 мая на 17 л/о голодает Гинзбург А. И. Что вынудило его пойти на такой крайний шаг? Лише-

ние права свидания с собственной женой (на том основании, что у нее, мол, нет свидетельства о браке). Дико. Но факт.

Мне кажется, что эта несправедливость обусловлена бесчеловечными основами режима содержания заключенных, из которых можно делать самые жесткие выводы.

Разве нормально, когда вследствие режима долголетнего недоедания и авитаминоза, заключенный, физически и морально изувеченный, возвращается в общество, ложась бременем на семью, родственников и государство.

Спрашивается: почему при выработке основ современного режима не учитывались интересы общества в целом, а родственников и семьи в частности, не говоря о простой человечности.

Заключенные современным, так называемым воспитательно-трудовым, законодательством рассматриваются как люди, навсегда вырванные из общества. Но, в действительности, это не так. Или взять свидания. Право увидеться с родственниками имеет только заключенный (по усмотрению администрации). Но почему такого права лишена родная мать, отец, жена, сын, брат, сестра? То есть, право родственников видеть своего сына, дочь, отца, попавших в заключение, невзирая на желание администрации. Не знаю, кто санкционировал подобные принципы, но вред от них нашему обществу огромнейший.

Поэтому трагедия Гинзбурга А. И. не может не отзываться болью в сердце каждого честного человека.

Вы должны разобраться и устраниТЬ причины голодаовки, ибо ответственность будет ложиться и на Вас.

28.05.69 г.

С. Сорока

ПРОКУРАТУРА СССР
ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ

от Мошкова С. Н.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Гражданин Генеральный Прокурор!

На 17 л/о уже 13-е сутки не принимает пищи политзаключенный Гинзбург А. И. Эта голодовка — следствие более чем двухлетнего издевательства над человеком, единственное требование которого заключалось в том, чтобы ему разрешили официально оформить брак с Жолковской И. С., уже существующий фактически. Все многочисленные просьбы и заявления, направленные Гинзбургом в различные инстанции, не привели ни к каким положительным результатам. Обращаясь лично к Вам, я надеюсь, что Вы предпримете все возможные меры для того, чтобы этот инцидент получил быстрейшее разрешение, и Гинзбург, наконец, после столь длительных мытарств создал бы семью. Прошу Вас как можно быстрее принять положительное решение по этому делу и предупредить тем самым дальнейшее обострение конфликта.

С. М о ш к о в

28. 05. 69 г.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

от Гаяускаса Балиса

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу гражданина Генерального Прокурора обратить внимание на одну несправедливость и негуман-

ное отношение к Гинзбургу А. И. Он обращался в разные инстанции с просьбой решить вопрос о свидании с женой. До ареста он состоял в фактическом браке со своей женой, и ими было подано заявление о регистрации брака. На этом основании он получил личное свидание. Сейчас после издания нового Указа о лишении свиданий незарегистрированных заключенных он лишается свиданий. Заодно, практически лишается свидания и мать, так как по старости и инвалидности, сама не может приехать. Несправедливость состоит в том, что этот Указ отягачает положение и тех заключенных, которые арестованы до издания этого Указа.

Потеряв надежду на справедливое решение в высших инстанциях, он решил добиваться справедливости голодовкой. Он голодает уже 13-е сутки. Добиваться справедливости голодовкой, — это, разумеется, подрывать свое здоровье, но что же ему оставалось делать!

Прошу Вашего внимания разобраться и помочь решить положительно это дело.

Б. Гаяускас

28. 05. 69 г.

ПРОКУРАТУРА СССР
ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ

от Калныньша В. Я.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Гражданин Генеральный Прокурор!
Вам, очевидно, известно, что уже почти две не-

дели Александр Гинзбург продолжает голодовку, объявленную в знак протеста против лишения возможности свидания со своей фактической женой.

Подобные акции со стороны органов, регламентирующих содержание заключенных (в данном случае речь идет о распоряжениях, лишивших Гинзбурга и многих других возможности свидания), лишний раз напоминают о том, что вся наша жизнь зависит от прихоти и самодурства как отдельных высокопоставленных чиновников, так и беззаконных действий целого ряда учреждений.

Я жду Вашего решительного вмешательства илагаю, что этот вопрос должен быть решен в положительном смысле. Уверен, что голодовку никто не начинает ради собственного удовольствия, это является последним шагом, когда другие средства не дали никаких результатов. К сожалению, приходится констатировать, что действия администрации и учреждений, которым подчинена система, в которой мы находимся, неоднократно приводили к той грани, за которой приходится прибегать к самым отчаянным средствам протеста. Прокуратура же никогда не спешила вмешаться. Скорее, наоборот, с ее согласия осуществлялись многие подобные действия.

В данном случае требую Вашего решительного вмешательства. В противном случае ответственность за жизнь и здоровье Гинзбурга ляжет на Вас, гражданин Генеральный Прокурор.

В. Калныньш

28. 05. 69 г.

16-Й ДЕНЬ ГОЛОДОВКИ

31 мая 1969 года

ЗАЯВЛЕНИЕ:
Ю. Галанскова

В ОТДЕЛ ПО НАДЗОРУ ЗА МЕСТАМИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ СССР

от Галанскова Ю. Т.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В декабре 1966 года Гинзбург А. И. и его фактическая жена Жолковская И. С. одновременно со мною подавали заявление о регистрации брака в ЗАГС Кировского р-на города Москвы, о чем имеются соответствующие записи в книге регистраций. Гинзбург не успел оформить бракосочетания, т. к. был арестован.

Мне известно, что в ходе следствия, после следствия и после суда Гинзбург и его фактическая жена неоднократно обращались во множество различных компетентных инстанций с просьбой разрешить им зарегистрировать фактическое супружество, о чем в деле имеется большое количество заявлений от Гинзбурга и его фактической жены.

В Москве, во время нахождения в изоляторе КГБ, Гинзбургу оформить бракосочетание не дали, хотя закон не запрещает этого и в практике содержания под следствием имели место случаи оформления бракосочетания.

В настоящее время Гинзбург лишен возможности оформить фактическое супружество, т. к. в местах заключения это почему-то запрещено. Однако, такое положение дела не может быть причиной отказа в свидании ему и его фактической жене (я не буду апеллировать к тому обстоятельству, что из близких родственников у Гинзбурга есть только старушка-мать, жизнь которой постоянно под угро-

зой, т. к. у нее больное сердце, о чём мне лично известно, ибо лично мне неоднократно приходилось вызывать врачей и бегать за лекарствами).

Я прямо заявляю, что лишение Гинзбурга возможности видеться с женой является мерзким издевательством над правом каждого человека иметь и созидать свою семью. Такое положение не может быть оправдано никакими соображениями, противоречит духу и букве всякого закона. Более того, существуют все законные возможности, обеспечивающие право на свидание лицам, находившимся до заключения в состоянии фактического супружества. И на основании этих законных возможностей Гинзбургу А. И. и Жолковской И. С. предоставлялось личное свидание (на одни сутки) в сентябре 1968 года и общее свидание (на 3 часа) в декабре 1968 года.

Но в апреле 1969 года им было отказано в общем свидании и заявлено, что в дальнейшем им свидания предосталяться не будут.

Параллельно (в Москве) с работы была уволена жена Гинзбурга Жолковская И. С., формально — за неправильное отношение к решению советского суда, а фактически потому, что по характеру своей работы она имеет возможность видеться с иностранными студентами.

Вся эта ситуация в совокупности с точки зрения любого бюрократически-полицействующего ума, кажется логической и естественной, но эта логика и это естество существуют только в извращенных бюрократически-полицействующих мозгах, готовых играть человеческими судьбами на основе только своих вымыслов и догадок. Тот, кто находит мои слова резкими, пусть приведет хотя бы одно доказательство, опровергающее их. А поскольку я знаю, что

этих доказательств не существует, то я утверждаю, что в данном случае совершаются ошибочные действия против семьи, личности и человеческого достоинства.

Что же касается вопроса о решении суда по делу Гинзбурга, то не только мне, но еще в большей мере КГБ, Прокуратуре РСФСР и суду РСФСР известно, что Гинзбург незаконно арестован и бездоказательно осужден. Но сейчас не об этом речь. Речь идет о том, что только на основе вымыслов и предположений совершается покушение на человеческое право.

Наши возможности видеться с семьями и без того сведены до минимума, поэтому всякое покушение на них есть гипертрофия чувства, реальности и меры. Например, мой отец целый год гнет спину за станком, ждет, чтобы увидеть сына. Моя мать пишет мне: «Юра, сынок, не знаю — дождусь я тебя или не дождусь, я думаю о тебе и плачу». Я разлучен на годы с женой. Они едут к нам на свидания, тратят последние деньги на дорогу, каждый раз натыкаются на всевозможные препятствия и ограничения. Чтобы получить лишний день на дорогу, они идут и сдают кровь. И находятся люди, которые изыскивают различные оправдания этому издевательству над чувствами людей. Обыкновенно, подобные издевательства пытаются представить как способ воспитания. Но что таким образом хотят воспитать в людях? Злобу и ненависть?

Надзиратели у меня прямо из рук вырвали бутерброд, который мне сунула мать, когда я выходил с личного свидания. Существует представление, что нас здесь кормят. В действительности же, на 50% нашего заработка мы кормим МВД, а из заработанных денег оплачиваем голодный паек, на котором нас держат. Годами нас подвергают явному и скры-

тому белковому, витаминному и минеральному голоданию. При этом нас систематически обворовывают: мы получаем недоброкачественные продукты, и часто продукты гнилые и тухлые.

Мы имеем право покупать в ларьке продукты питания только на 5 рублей в месяц. При этом различными подзаконными актами нам умышленно не продают в ларьке такие продукты, как сахар, мясо, молочные изделия, лук, чеснок и всякие другие полноценные продукты, имеющиеся в достаточном количестве в местных торговых организациях. Эти подзаконные запреты могут иметь только двоякое происхождение. Или они издаются безответственными лицами, которые персонально виноваты в этом, или они санкционированы властью, и тогда это прямая политика, направленная на подрыв нашего здоровья. (Или запрещение продавать в ларьке, например, лук может быть оправдано какими-нибудь соображениями воспитательного, идеологического или экономического порядка?)

— После половины срока заключения мы имеем право получать посылки, 3 раза в год весом по 5 кг, но и это символическое право нарушается какими-то подзаконными актами МВД. Фактически, если администрация захочет, то она всегда имеет возможность запретить эти посылки. Она это и делает. Фактически Ю. М. Даниэль не получил ни одной посылки. Виктор Калныньш находится в заключении уже восьмой год и не получает посылок. Валерий Ронкин уже отбыл больше половины срока и посылок не получает. Сергей Мошков освобождается в июне месяце этого года и за весь срок заключения он не получил ни одной посылки. Леониду Бородину мать пишет: «Я могу понять, что тебя посадили, но я не понимаю, почему тебе нельзя прислать

банку меда, ведь у тебя же язва. Люди у вас там или нет». У меня на глазах у Гинзбурга началось заболевание желудочно-кишечного тракта. У меня самого язва двенадцатиперстной кишки, и я пытался советами и другими мерами остановить болезнь своего друга, но при таком питании сделать это невозможно.

Недавно наши лагеря стали официально называть учреждениями, но от этого они не перестали быть концлагерями, режим которых направлен на подрыв здоровья и в которых воспитывается ненависть к власти и ее правопорядку.

В такой ситуации нас просто ставят перед необходимостью изыскивать средства самозащиты и защиты своих прав и своего человеческого достоинства.

16 мая с. г. Гинзбург объявил голодовку, а что ему еще остается делать? Бросаться на запретку под автоматическую очередь? Как это было в 1964 году, когда заключенный Романов бросился на запретку и был убит. Как это было в 1967 году, когда заключенный, пожилой литовец Житковичус бросился на запретку и был убит. У каждого из нас могут не выдержать нервы и каждый из нас может быть застрелен. Ибо мы живем за колючей проволокой под дулом автоматов. Знает ли об этом власть, знает ли об этом общественность, знают ли об этом наши родственники? Не так давно газета «Известия» поместила статью «Еще раз о деятельности Йозефа Павела», в которой с целью дискредитировать личность Павела написано: «В документе о режиме в лагерях принудительных работ от 3 апреля 1950 года говорится следующее: «В лагерях необходимо ввести твердые бескомпромиссные и последовательные методы воспитания, которые одновременно дол-

жны усилить порядок и дисциплину и исключить современное направление гуманного воспитания, которое подрывает порядок и дисциплину. Кто же, следовательно несет ответственность за деятельность органов безопасности...»

Таким образом, и Павел был ответственным, например, и за цензуру писем, направлявшихся в лагеря и из лагерей, за порядок разбора жалоб заключенных, за систему наказаний и т. д.

«Те наши граждане, которые читали «Отечественный фронт» и которые слышали об обвинениях, выдвинутых против Павела, хотели бы знать, занимается кто-либо в ЧССР расследованием его деятельности...»

А мы, заключенные, хотели бы спросить газету «Известия» и хотели бы знать, чем объясняется положение, в котором мы находимся сегодня, в 1969 году. Мы хотели бы знать, какая есть необходимость держать под дулами автоматов, например, писателя Ю. Даниэля или одного из немногих эфиопистов, преподавателя восточного факультета ЛГУ В. Платонова; бывшего директора школы Леонида Бородина; историка и филолога В. Калныньша, инженера Валерия Ронкина, студентов С. Мошкова, А. Гинзбурга, Ю. Галанского и других. Силой обстоятельств каждый из нас был поставлен перед необходимостью выразить свое политическое отношение к положению в стране в форме, которая сегодня рассматривается как противозаконная, но из этого еще не следует, что над нами можно издеваться, подрывать наше здоровье, усугублять горе наших родственников.

Если руководство страны находит, что наши действия для него нежелательны, как, например, действие марксистской группы «Колокол», то после

вмешательства органов КГБ оно могло бы осуществить функции надзора по месту жительства, а не бросать нас за колючую проволоку.

Если газета «Известия» осуждает режим лагерей в Чехословакии, то почему мы можем писать только два письма в месяц через цензуру? Кто несет за это ответственность?

Мы воспитаны в духе человеколюбия и уважения к человеческому достоинству. Я вот сейчас сижу и читаю статью тетки моей жены кинокритика И. Соловьевой «Время под обстрелом». В этой статье о концлагерях сказано: «В лагерях происходило двойное истребление: истребление физическое и истребление человека — меры вещей, истребление святости и неповторимости всякого человеческого существа».

О немецких концлагерях она пишет: «После того, как установлена полная однотипность, разрешаются и даже поощряются достопримечательности: в одном лагере жил медвежонок, в другом, расположенным близ Веймара, сохранился дуб Гёте».

А нам в 1969 году запрещают зимой одевать и вообще носить что-либо, кроме спецодежды, в которой мы работаем. Нам запрещено получать газеты западных компартий и орган ЮНЕСКО журнал «Курьер». Интересно почему?

Я не буду ставить в этом заявлении вопроса, как это делает газета «Известия», требуя расследования о лагерях принудительных работ в Чехословакии. Я ограничусь лишь цитатой из статьи И. Соловьевой: «Освобождение от памяти физически необходимо, в ее власти просто нельзя жить. Но это стирание прошлого, эта новая застройка на неотмеченных пустырях имеет в картинах Алена Рене свой полный тревоги смысл. Прошлое, преданное забве-

нию как прошлое, смешивается с настоящим, прорасчиваются в него, подменяет его собою. Воспоминание, вытесненное как воспоминание, становится предчувствием; ужас перед этим стертым прошлым становится страхом перед настоящим и перед будущим».

Когда меня судили, Брежнев говорил, что тем самым преследуются воспитательные цели. Мой отец рабочий, моя мать уборщица, и только безумец мог протянуть между нами колючую проволоку и поставить солдат с автоматами. Мы не преступники. Мы — проявление существующей в стране оппозиции.

— Политическая оппозиция — естественное состояние всякого общества, необходимое состояние всякого социального развития, но когда инакомыслящих и политическую оппозицию вынуждают вставать на путь неофициальных и полулегальных действий, а потом, пользуясь трагизмом ее положения, репрессируют — это уже противоестественно. Если бы Запад подавлял всех инакомыслящих и всякую политическую оппозицию и тем самым вынуждал ее встать на путь неофициальных, полулегальных и нелегальных действий, то вся коммунистическая оппозиция оказалась бы за колючей проволокой под дулами автоматов. Компартии Италии, Англии, Франции, Австралии и скандинавских стран отлично понимают это. Поэтому не случайно они всё настоятельнее ставят вопрос о демократизации жизни в России. Анализ показывает, что в настоящее время компартии стран западной Европы фактически являются свободной оппозицией в системе международных коммунистических отношений. И как положительный нужно рассматривать тот факт, что всё большее количество коммунистов западных компартий начинают понимать, что от их принципиаль-

ности и бескомпромиссности их позиции в целом и в каждом конкретном случае в значительной мере зависит характер эволюции правящей партии в России. Ибо от характера эволюции этой партии в значительной мере зависит судьба России, а от судьбы России сейчас решающим образом зависят судьбы мира.

Ю. Галансков

31 мая 1969 года

18-Й ДЕНЬ ГОЛОДОВКИ

2 июня 1969 года

ЗАЯВЛЕНИЯ:

1. Ронкина В. Е.
2. Верхоляка Д. К.
3. Гаяускаса Б.
4. Сороки С. К.
5. Платонова В.
6. Бородина Л.
7. Калныньша В.
8. Даниэля Ю. М.
9. Галанскова Ю. Т.
10. Даниэля Ю. М.
11. Мошкова С.

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
от Ронкина В. Е.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Сегодня мой товарищ Александр Гинзбург 18-й день продолжает голодовку.

Его требование — предоставить ему возможность свиданий с женой — законно, справедливо, естественно.

Насколько мне известно, Вы уже уведомлены о факте голодовки, ее причинах и дате, когда Гинзбург начал голодать. В Ваших силах помочь Гинзбургу, удовлетворив его требования.

Я не имею возможности ничем помочь ему и не могу больше оставаться посторонним наблюдателем.

Поэтому сегодня 2 июня я из солидарности с Гинзбургом начинаю голодовку, о чем и уведомляю Вас,

2 июня 1969 г.

Ронкин

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
от Верхоляка Д. К.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Сегодня, в 1969 году, 18-ые сутки на 17 л/о голодаает человек — А. И. Гинзбург, и до этого никому, кто мог бы решить его судьбу, нет дела.

Я уже обращался в Прокуратуру СССР.
Требования Гинзбурга справедливы, они не связаны ни с какими политическими вопросами и касаются лишь его права на свидания с любимым человеком.

Прошу немедленно вмешаться, пока еще не поздно, ибо длительная голодовка угрожает жизни и здоровью человека.

Верхоляк

2 июня 1969 года

P. S. Требования А. И. Гинзбурга очень близки моим неотложным заботам. Я не могу увидеть свою жену на протяжении четырех последних лет. Юридически свиданий я не лишен, фактически — мне их не предоставляют ни с кем из родственников. Многочисленные заявления и жалобы в разные инстанции на протяжении свыше двух лет по этому поводу направляются по инстанциям для разбора «по существу». Это послужило, очевидно, толчком к исчезновению документов об образовании, специальности и семейном положении.

Прошу обратить внимание на эти вопросы во имя справедливости и гуманности, если они существуют.

Верхоляк

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

от Гаяускаса Б.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Гинзбург А. И. с 16 мая 1969 года объявил голо-

довку в связи с тем, что не добился от вышестоящих инстанций положительного решения вопроса о свидании с женой.

Прошу обратить внимание и помочь решить положительно этот вопрос.

Гаяускас

2 июня 1969 года

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

от Сороки С. К.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Третью неделю голодает Александр Ильич Гинзбург.

На такой крайний шаг его заставило пойти несправедливое лишение свиданий с женой на том основании, что у жены нет свидетельства о браке, хотя вина в этом не его (о чем говорят соответствующие документы).

Затянувшаяся голодовка угрожает здоровью и жизни.

Поэтому Вы обязаны помочь в законном требовании А. И. Гинзбургу, чтобы не произошли трагические последствия.

Сорока

2 июня 1969 года

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

от Платонова В.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Обращаюсь в Президиум Верховного Совета СССР с настоятельной просьбой срочно принять самые экстренные меры для удовлетворения законных и справедливых требований А. И. Гинзбурга, голодящего уже 18-е сутки.

Полагаю, что вам уже известна причина голодовки, как и существование законных требований А. И. Гинзбурга о том, чтобы ему была предоставлена возможность видеться с его женой И. С. Жолковской.

Хотелось бы надеяться, что Президиум Верховного Совета СССР восстановит нарушенную властями справедливость и тем самым предотвратит серьезную угрозу, нависшую над здоровьем А. И. Гинзбурга.

Платонов

2 июня 1969 года

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

от Бородина Л.

ЗАЯВЛЕНИЕ

18-й день на 17-ом л/о не принимает пищи Александр Гинзбург.

Ставлю в известность, что, если в ближайшее время

не будут приняты меры по урегулированию вопроса, я тоже присоединюсь к Гинзбургу.

Бородин

2 июня 1969 года

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР

от Калныньша В.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Уже в течение двух с половиной недель Александр Гинзбург продолжает голодовку, которую начал в знак протеста против того, что ему не дают свиданий с его фактической женой. Затянувшаяся голодовка представляет опасность для жизни и здоровья Александра Гинзбурга. Я обращаюсь к Вам, гражданин Председатель Президиума Верховного Совета СССР, со справедливым требованием вмешаться и восстановить попранную справедливость и тем самым спасти жизнь и здоровье человека.

Калныньш

2 июня 1969 года

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

от Даниэля Ю. М.

Я обращаюсь к вам, членам Президиума Верховного Совета СССР, представляющим высшую госу-

дарственную власть в стране, обращаюсь именно к вам, в столь высокую инстанцию, потому что все другие возможности исчерпаны. Я уже трижды писал в Прокуратуру СССР (в последний раз — непосредственно Генеральному Прокурору), но результатов не было никаких. Суть дела коротко в следующем — 16 мая этого года находящийся в том же месте заключения, что и я, А. И. Гинзбург объявил голодовку, требуя регулярного предоставления свиданий с женой, требуя регистрации брака.

История избирательного издевательства над Гинзбургом и его фактической женой И. С. Жолковской подробно изложена самим Гинзбургом в письме Вашему коллеге, члену Президиума Верховного Совета СССР — Петровскому. Может быть, он еще не успел ознакомить вас с этим документом?

Мне требования Гинзбурга представляются абсолютно справедливыми.

Однако метод протеста, до которого довели Гинзбурга — самоубийственный. На скучном лагерном пайке организм и так истощается и ослабевает, голодовка же приводит к необратимым явлениям, к тяжким заболеваниям, к инвалидности (и тому в истории Дубровлага есть многочисленные примеры).

Восстановить же силы после голодовки практически невозможно, т. к. администрация требует от заключенного полноценного труда при отсутствии спецпитания и медицинского наблюдения. Пример: в 1967 году В. Е. Ронкин был посажен в карцер на пониженное питание (1300 калорий) на 3-й день после семидневной голодовки за невыполнение нормы.

Гинзбург голодает уже 18-е сутки.

Высокое звание членов Президиума Верховного Совета СССР, декларируемые Вами принципы гу-

манизма, замечательной отзывчивости по отношению к страданиям политзаключенных других стран (я имею в виду протест советских парламентариев от 21/V-1969 г. по поводу положения в Греции) — все это обязывает вас немедленно вмешаться в это дело и спасти, — если еще не поздно — здоровье А. И. Гинзбурга, который, несмотря ни на что, является вашим согражданином.

Ю. М. Даниэль

2 июня 1969 года

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

от Галанскова Ю. Т.

ЗАЯВЛЕНИЕ О ГОЛОДОВКЕ

15 декабря 1966 года я подавал заявление о регистрации брака в ЗАГС Кировского р-на г. Москвы.

В декабре 1966 года одновременно со мною в ЗАГС Кировского р-на г. Москвы подавали заявление о регистрации брака Гинзбург А. И. и Жолковская И. С. Уже в это время Гинзбург и Жолковская находились в состоянии фактического супружества, т. е. проживали совместно и вели совместное хозяйство, о чем лично мне известно.

Гинзбург и Жолковская не успели оформить бракосочетание, так как Гинзбург был арестован.

В ходе следствия и после следствия, перед судом и после суда Гинзбург и Жолковская многократно обращались в различные компетентные органы с просьбой разрешить им оформить бракосочетание.

Гинзбурга и Жолковскую уверяли, что такая возможность будет им предоставлена, однако, этого не случилось.

Уже в лагере, в сентябре и декабре 1968 года Гинзбург и Жолковская получали свидания, но в апреле 1969 г. в свидании им было отказано и заявлено, что в дальнейшем они свидания получать не будут.

На протяжении всего этого времени Гинзбург и Жолковская добивались оформления бракосочетания.

Исчерпав все фактические возможности, 16 мая 1969 г. Гинзбург А. И. объявил голодовку, желая таким образом обратить внимание власти и закона на свое положение с целью побудить компетентные органы к действиям, направленным на охрану его семейных и человеческих прав.

Сегодня уже 18-й день Гинзбург А. И. не принимает пищи. Не исключено, что создавшееся положение таит в себе опасность для его здоровья.

Принимая все вышеизложенное во внимание, я 19 и 23 мая обращался в Отдел по надзору за местами заключения Прокуратуры СССР, 28 мая к Генеральному Прокурору СССР, 31 мая я отправил заявление в Президиум Верховного Совета СССР.

Надо думать, что различные компетентные органы совокупностью обстоятельств и, в частности мною, в достаточной мере информированы о положении дела.

Кажется невероятным, что такой простой и естественный вопрос до сих пор не разрешен еще в положительном для Гинзбурга смысле. Это обстоятельство заставляет меня думать, что решение вопроса искусственно тормозится на том или ином уровне и, в частности, на уровне КГБ и МВД.

Исчерпав все правовые возможности и принимая во внимание исключительность ситуации, 3 июня 1969 года я объявляю голодовку с целью обратить внимание органов, от которых зависит решение вопроса, на создавшееся положение.

К этому в равной мере меня побуждает и мое собственное положение.

1 июня 1968 г. ко мне на личное свидание приезжали мать и жена. По нормам режима я и мои родственники имели право получить свидание продолжительностью до 3-х суток, но наше свидание было ограничено до суток (а фактически в таких случаях оно ограничивается до 16 часов, т. к. человека выговаривают на работу, и время работы не компенсируется в послерабочий период). Никакого основания для такого ущемления моих прав и прав моих родственников у администрации не было и быть не могло, ибо я прибыл в учреждение ЖХ 385/17-А, кажется, 6-го мая 1968 г. Все это время я добросовестно работал и к концу ученического срока (30 мая) выполнил норму. В течение этого месяца правил режима я не нарушил.

Продолжительность моего свидания с родственниками даже не была определена начальником лагеря или лагпункта, а просто так захотел ст. лейтенант Кишка. Позже мне давали понять, что это ущемление наших прав продиктовано какими-то высшими соображениями КГБ. Хотя все это ложь и мне известно, что КГБ в это дело не вмешивался. Просто ст. лейтенант Кишка допустил произвол и превысил свои должностные права.

Вскоре я попал в больницу. Вернувшись из больницы, я некоторое время работал, но вскоре в связи с ухудшением здоровья опять попал в больницу.

Там я получил нормальное свидание, и устои государства от этого не рухнули. Вернувшись из больницы, я опять добросовестно работал и вскоре стал перевыполнять план по одному виду продукции. В декабре 1968 года ко мне на общее свидание приехали отец, мать и жена. В отличие от свидания на ЖХ 385/3, администрация ЖХ 385/17 ограничила продолжительность свидания до 2-х часов. Почему? Ведь именно в это время я успешно работал. Опять кому-то так захотелось или, может быть, кто-то просто не с той ноги встал. Я вообще нормально работаю и normally живу в рамках режима (относительно мелких придиорок ко мне я писал в Прокуратуру и выявил их несостоительность).

12 мая 1969 г. ко мне на общее свидание приезжали жена и сестра. По причине карантина им свидания не дали. При этом меня даже не поставили в известность о том, что ко мне приезжали родственники. Учитывая совокупность всех обстоятельств, я 19 мая 1969 г. направил письмо адвокату по надзору Каминской Д. И., в котором просил ее лично написать заявление в ГУИТУ (или в другое место) с целью получить подтверждение о моменте снятия карантина (когда он будет снят) и получить гарантии самого факта свидания и продолжительности, ибо у моих родственников просто нет денег, чтобы разъезжать зря туда и обратно. Это мое письмо к адвокату администрация задержала, хотя она не имеет на это права, ибо адвокат Каминская Д. И. официально приняла функции надзора по месту моего заключения, и мое заявление в юридическую консультацию является официальным.

В настоящее время у меня нет никакой уверенности, что мои родственники не введены в заблужде-

ние и что по отношению к ним и ко мне не будет допущен произвол в момент очередного свидания.

Моя мать очень волнуется за мое здоровье. Моя жена на годы разлучена со мною. Мой отец год гнет спину за станком, едет, чтобы увидеть меня. Они тратят последние деньги на дорогу. Наши возможности видеться с близкими нормами режима сведены до минимума, поэтому всякий произвол в вопросе со свиданиями является издевательством над нашими чувствами и усугублением горя наших близких.

Предлоги для подобных издевательств всегда находятся. Или нам говорят, что вот вы норму не всегда выполняете, хотя это случается не потому, что человек не хочет работать, а потому, что меняется продукция и приходится осваивать новые виды продукции. Или имеют место технические и технологические трудности. Но и при всем этом совершенно очевидно, что люди добросовестно работают. А когда к работе нельзя придираться, изыскивается еще какая-нибудь придирка. А если и придираться не к чему, то выдумываются высшие соображения, хотя дело вовсе не в высших соображениях, а в прямом произволе и издевательстве на почве личных антипатий и в зависимости от настроения должностного лица. Ясно, что высшие соображения здесь ни при чем.

Я уже несколько раз обращался по вопросу о свиданиях в Прокуратуру. В настоящее время, исчерпав все реальные правовые возможности повлиять на ход событий и учитывая всю совокупность обстоятельств, я вынужден объявить голодовку.

Галансков

2 июня 1969 года

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

Министерство здравоохранения
Всесоюзное общество Красного Креста
и Красного Полумесяца

от Даниэля Ю. М.

Довожу до вашего сведения, что голодающему уже 18-е сутки А. И. Гинзбургу прекратили искусственное питание. Прекращение это последовало после визита врача Любимова в штрафной изолятор, где содержится в настоящее время голодающий Гинзбург. Надо полагать, что голодающего прекратили кормить именно в результате этого визита.

Не берясь судить о медицинской компетенции врача Любимова, могу все же указать на факт, характеризующий его с точки зрения этической; вчера 1 июня 1969 г. Любимов уехал из пос. Озерный, оставил без квалифицированной медицинской помощи тяжело больную заключенную в соседней с нами женской зоне.

Больная скончалась.

Возникает уверенность, что распоряжение о прекращении кормления голодающего продиктовано отнюдь не медицинскими показаниями.

Всей душой сочувствую требованиям Гинзбурга, я, тем не менее, считаю голодовку методом самоубийственным; должностные же лица, не препятствующие этому способами, предусмотренными законом и медициной — преступники.

Даниэль

2 июня 1969 года

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

от Мошкова С.

Уже 18-й день на 17 л/о продолжает голодовку Гинзбург А. И., добиваясь справедливого решения вопроса о своем семейном положении. До ареста Гинзбург состоял в фактическом браке с Жолковской И. С. Ими было подано заявление о регистрации брака. После того, как Гинзбург приехал в лагерь, ему были предоставлены несколько свиданий с Жолковской И. С. Затем последовал отказ.

Инструкция МВД, на основании которой это было сделано, антигуманна и незаконна, поскольку ухудшает положение Гинзбурга уже после того, как ему вынесен приговор.

Я считаю, что справедливые требования Гинзбурга должны быть удовлетворены возможно быстрее, так как столь длительная голодовка угрожает его здоровью и, кроме того, справедливое решение вопроса предотвратило бы в дальнейшем расширение конфликта.

Мошков

2 июня 1969 года

21-Й ДЕНЬ ГОЛОДОВКИ

5 июня 1969 года

ЗАЯВЛЕНИЯ:

1. Платонова В. М.
2. Бородина Л. М.

Ответ прокуратуры СССР

Заявление Ронкина В.

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

от Платонова В. М.

Настоящим заявлением я ставлю Президиум Верховного Совета СССР в известность, что с 5 июня 1969 г. в знак солидарности с голодающим уже 20-й день А. И. Гинзбургом я объявляю голодовку. Полагаю, что причина голодовки А. И. Гинзбурга в Президиуме уже известна, как и его законные требования о том, чтобы ему была предоставлена возможность видеться с его женой Жолковской И. С. Я исчерпал все доступные мне средства помощи А. И. Гинзбургу (заявление в Отдел по надзору за местами заключения Прокуратуры СССР, Генеральному Прокурору СССР, в Президиум Верховного Совета СССР) и вынужден пойти на крайнее средство — объявить голодовку, так как совесть не позволяет мне оставаться безучастным к судьбе А. И. Гинзбурга.

Хотел бы надеяться, что Президиум Верховного Совета СССР примет самые экстренные меры для удовлетворения законных (согласных законодательству) и справедливых (согласных совести) требований А. И. Гинзбурга.

Платонов

5 июня 1969 года

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

от Бородина Л. И.

Нет больше сил сознавать, что рядом страдает человек, и чувствовать свою неспособность чем-либо помочь ему. С 5 июня 1969 года я отказываюсь от приема пищи в знак солидарности с А. И. Гинзбургом.

Б о р о д и н

5 июня 1969 года

ПРОКУРАТУРА СССР

№ 17/485-68

2 июня 1969 г.

Прошу объявить заключенным Ронкину и Даниэлю на их заявления от 19 мая с. г., что личные свидания заключенным предоставляются только с близкими родственниками и супругами, состоящими в зарегистрированном браке, к тому же от самого заключенного Гинзбурга, которому, якобы, необходимо свидание, каких-либо заявлений по этому вопросу не поступало.

Администрацией п/я принимаются надлежащие меры к тому, чтобы Гинзбург голодовку снял.

Начальник отдела по надзору за местами лишения свободы
государственный советник юстиции 2 класса

В. З. Самсонов

Ответы всем остальным датированы 9 июля, от этого они отличаются лишь отсутствием последнего абзаца. Под «надлежащими мерами» подразумевалось, очевидно, прекращение искусственного питания (см. заявление Даниэля от 2/VI-1969 г.).

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА ПО НАДЗОРУ
ЗА МЕСТАМИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
Самсонову В. З.

от Ронкина В.

ЗАЯВЛЕНИЕ

10 июня 1969 г. А. И. Гинзбург прекратил голодовку, начатую им 16-го мая, снял, так и не получив ответов на подававшиеся заявления.

Причиной снятия голодовки было присоединение к ней еще нескольких человек и наш отказ прекратить ее, пока он голодает.

9 июня на нашей общей прогулке Гинзбург увидел, что продолжение голодовки серьезно угрожает и нашему здоровью. В особенно тяжелом состоянии были Галансков и Бородин, больные язвой желудка. Присоединяясь к голодовке, я, честно говоря, так и рассчитывал, что если мое участие и не побудит власти удовлетворить требования Гинзбурга, то окажет давление на него самого, и он прекратит голодовку.

Мне известны случаи голодовок, продолжавшихся месяцы, а иногда и годы. Мне известны результаты

таких голодовок — параличи и даже смертельный исход.

Я знаю характер Гинзбурга. В данном случае нам удалось таким образом фактически сорвать голодовку, предотвратить трагические последствия.

Но требования Гинзбурга о гарантии регулярных, положенных по закону свиданиях с женой не удовлетворены.

Что будет, если он снова, не получив очередного свидания, прибегнет к этому же методу?

Сможем ли мы повторить ту же ситуацию?

Очевидно, нет.

И даже если бы кто-либо и присоединился снова к Гинзбургу, окажет ли это на него подобное влияние? Во всяком случае, мне лично он сказал: «Если я уж начну, то сорвать ее (голодовку) подобным методом вам не удастся».

Я прошу Вас еще раз обратить внимание на этот вопрос.

Ронкин

Июнь 1969 года

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ

ИЗ ПИСЬМА А. ГИНЗБУРГА

Моя голодовка не была неожиданностью для начальства. Еще 14 марта, когда я разговаривал с Муренковым по поводу лишения свидания Бена [Ронкина] (тогда молитвами и хлопотами всех и вся коллективную голодовку удалось предотвратить — свидание вернули), я предупредил, что за каждое свое свидание буду драться вплоть до крайних мер — голодовки и т. п. Это было воспринято как некоторое преувеличение — ведь весь год до этого я был так тих, мягок и приказопослушен, так избегал всяких резких движений, что их от меня и ждать перестали.

Апрельские отказы укрепили меня в моих намерениях, хотя друзья встретили их в штыки. Аргументов против голодовки они нашли предостаточно, но мне-то нужны были не аргументы против, а, в крайнем случае, какая-нибудь равная по силе и убедительности замена, ее-то у них и не было.

Последней попыткой добиться чего-то писанием было обращение в Президиум Верховного Совета — к Петровскому. Почему я выбрал именно его? Во-первых, интеллигентный человек, во-вторых, говорили, что порядочный. Ответа от него я и по сей день не получил и не знаю, дошло ли письмо до него. Последний раз я видел свое письмо на столе у капитана Белова (и. о. начальника лагеря) 18 июня. А ушло оно отсюда, по официальным бумагам, 14 мая в двух заклеенных конвертах, на внутреннем из них было написано — «Петровскому — лично».

15 мая я узнал, что со свиданиями дело не двигается, а Ученый совет университета утвердил увольнение Арины. 16-го я объявил голодовку.

Момент для голодовки был самый подходящий. 10-го у нас вспыхнула дизентерия (около 30 чел. в нашей маленькой зоне и более 100 в соседней женской). 11-го был объявлен карантин, прекративший все свидания. Карантин был странный, он распространялся только на свидания и не мешал, например, привозить только что выздоровевших из больницы.

Другой момент — наше питание во время эпидемии. Начиная с 10 мая из рациона были полностью исключены рыба и мясо (первое и естественное предположение медиков, что причина заболевания — недоброкачественные продукты). Зато все дверные ручки обильно поливались раствором хлорки, а внутри зоны появился еще один забор из колючей проволоки — вокруг загончика для больных. А голодовку куда легче переносить, когда и так в столовой хлорка вместо мяса.

Я продолжал выходить на работу. Почему? Можно было, конечно, лечь на койку и беречь силы. Я предпочел беречь нервы от лишних разговоров с начальством.

Муренков в марте заявил, что невыход на работу в связи с голодовкой будет расцениваться как отказ от работы, а сама голодовка — как нарушение режима.

Когда 5 июня, объявив голодовку, не вышел на работу Платонов, начальник отряда Кишка грозил ему карцером.

Стоило ли связываться? Явно не стоило, и так на второй день голодовки (кто голодал, знает: первые дни переносятся тяжелее последующих), когда, сде-

лав все, что положено, я закончил работу на полтора часа раньше, и сильное головокружение выгнало меня на улицу, на меня был подан рапорт, и меня вызвал начальник отряда Рибчинский.

Иду. Когда входишь в кабинет, полагается представляться.

— Моя фамилия Гинзбург.

— Надо говорить заключенный Гинзбург.

— Политзаключенный Гинзбург.

— У нас нет политзаключенных.

Начнешь объяснять, можно нарваться на взыскание. Молчу.

— Почему бросили работу в половине четвертого?

— У меня второй день голодовки, я скверно себя чувствую и поэтому не работаю в счет следующего дня.

— Выговор.

— Я могу идти?

Ухожу, ложусь на койку. Следующий день воскресенье, никто меня не трогает. Из трех углов (я в четвертом) наблюдают стукачи. То одного, то другого вызывают на вахту узнать, не ем ли я. Не ем.

В понедельник опять работа. Но в конце дня понаехали начальство — зам. нач. управления (какой-то незнакомый подполковник) и зам. начальника Дубравлагского КГБ (полковник в штатском). Вызвали для объяснений сначала меня, да со мной говорить не о чем — к ним претензий нет, инструкции не позволяют им давать мне свидания с женой, они не в силах перешагнуть через эти инструкции и т. п. Я напомнил, что в других случаях они инструкции нарушают и свидания дают, что мне и в прошлом году несколько месяцев говорили, что нельзя, когда было можно и т. д. И все время кивал в уголок, где сидел наш Анненков: «Вот гражданин майор может

подтвердить». Начальство деликатно отмалчивалось.

Потом начали таскать друзей. Лене и Славе [Бородину и Платонову] говорили, что я их обманываю, что Арина мне вовсе не жена. На что при этом рассчитывали? Ведь в любом случае мне они скорее поверят. Юлику, Юрке и Бену [Даниэлю, Галанскому, Ронкину] такого сказать не рискнули, чувствовали, что отпор будет резкий.

Но разговоры разговорами, а на следующее утро я опять пошел трудиться. Где-то через час меня с работы сняли (в этот день я, пожалуй, свалился бы), первый раз обследовал меня врач, и заперли в изолятор. Приходит разговорчивый надзиратель.

— Не ешь? — спрашивает.

— Не ем.

— Хочется?

— Хочется.

— Ну жди теперь, когда ацетончиком запахнешь.

Это он об искусственном питании. Я уже давно знаю эту инструкцию, по которой к профессиональному питанию голодающих прибегают «по жизненным показаниям». А «показания» такие: запах ацетона изо рта, цианоз (синюшность) губ, нитевидный пульс. Миленькая инструкция, я еще надеюсь дожить до времени, когда ее составителей (а, может быть, и исполнителей) будут судить по законам Нюрнбергского трибунала. Впрочем, ко мне она, кажется, не применялась — случай не тот, огласка возможна. Меня не стали доводить до требуемой инструкцией кондиции, и на одиннадцатый день медики явились с порцией молочной смеси и всем необходимым инструментарием, сопровождаемые ст. лейтенантом Кишкой, большим любителем подобных зрелищ. Загнали в меня кишку (резиновую) поглубже, влили смесь и часа через два я ожила.

Что было шесть дней перед этим? Первые дни я старался работать — читать, писать, переводить. Потом меня хватало уже только на то, чтобы писать бодрое письмо домой. Два менее бодрых письма адвокату цензура не пропустила, «т. к. в них описывается жизнь заключенных». Прокурор Дубровлага Ганичев, приходивший в изолятор уговаривать меня прекратить голодовку («У вас все равно ничего не выйдет») совсем недавно ответил на мою жалобу по этому поводу:

«Адвокатура надзорными функциями за деятельность администрации мест лишения свободы не обладает, поэтому заявления осужденных с описанием режима, условий содержания и работы администрации туда направлению не подлежат».

В камеру мне регулярно приносили завтрак, обед и ужин, и миски эти должны были стоять от одной кормежки до другой. Три дня я это терпел, а потом начал выливать в парашу, как только приносили (спасибо, помог мне в этом надзиратель Каширский мелкой провокацией: «Небось, отхлебываете, когда не видим»). С началом искусственного кормления это издевательство кончилось.

С искусственным кормлением кончились и головные боли и головокружения, немного поднялось давление, заметно упавшее в первую десятидневку, зато начал побаливать желудок, но это уже не так страшно. Неприятна и мучительна сама процедура кормления, но к ней постепенно привыкаешь. К концу мая я опять смог работать.

То, что переносил я голодовку легче, чем это зачастую бывает, неудивительно. Кроме практического опыта, была у меня и солидная «теоретическая» подготовка. Спасибо Лефортовской библиотеке — эти растрепанные книжки с оторванными экслибри-

сами, когда-нибудь я напишу о них, — с ее обилием литературы на эту тему.

Начальство меня не слишком беспокоило. Иногда по утрам заходил дежурный офицер — и они, и я быстро освоились с создавшимся положением, со взаимным отсутствием претензий. В послеобеденное время приходили медики кормить или просто обследовать, а вечером приносили письма и газеты и выводили на прогулку.

31 мая появилось новое лицо — врач Любимов. «С таким сердцем можете голодать до конца срока... Что ж, кормить мы Вас, конечно, будем...» Кормить меня перестали. Друзья в зоне на стену полезли. Любопытно, что 2 июня Прокуратура СССР ответила Ронкину и Даниэлю: «Администрацией п/я принимаются надлежащие меры к тому, чтобы Гинзбург голодовку снял». Что они имели в виду? Что кормить бросили?

Не кормили меня четыре дня. Уже позже, в зоне, я узнал, что администрации твердости хватило всего на два, потом работала обыкновенная бесхозяйственность. Был приказ продолжить искусственное кормление, но два дня не могли привезти для этого продуктов.

А тем временем у ребят не выдержали нервы, и один за другим появлялись они в изоляторе. 5-го в соседнюю камеру поместили Бена, 6-го Юрку — в третью камеру, 7-го и 8-го к ним добавили Славу и Леню ([Ронкина, Галанскова, Платонова, Бородина]. Можно было перекрикиваться, но, увы, не было новостей. Разве только их разговоры с начальством — у Славы о карцере, у Лени... Вот что сказал ему Кишка: «Ну на что вы рассчитываете? Кто вас поддержит? Ну, так называемая, прогрессивная московская интеллигенция, а еще?» Так называе-

мую прогрессивную я в расчет не принимал. Но почему это так беспокоит Кишку?

К понедельнику начальство все же додумалось, как прекратить. На прогулку нас вывели всех вместе. Удар был точный. Лучше меня выглядел, пожалуй, Слава Платонов. Наши язвенники, Юрка и Леня, [Галанков и Бородин] еле держались на ногах и беспрерывно садили махорку от боли в желудке. Бен [Ронкин] был серо-зеленого цвета с запавшими глазами и ввалившимися щеками. Всю эту троицу ветром качало. Не случайно, вероятно, Бена искусственно накормили на 7-й день, а Юрку на 6-й — налицо были все «жизненные показания». Правда, на следующий день их кормить не стали. Я пробовал уговорить их прекратить голодовку без меня — не вышло, команда собралась упрямая. А еще днем за забором прыгал Юлик [Даниэль] и что-то кричал. Тоже к нам рвался, только его здесь и не хватало. На следующее утро я снял голодовку, за myself и ребята. А жаль. Я мог еще держаться.

Как нас встретили, я, должно быть, в жизни не забуду. Мы появились в зоне во вторник, когда нас еще не ждали. Ларек должен был быть в четверг, и ребята сами ходили голодные и берегли эту возможность купить белого хлеба, конфет, рыбных консервов, постного масла для нас. В общем, пришли мы на шаром покати. И, увидев это, несколько растерялись. Потом на одной койке появилась пайка белого хлеба из диетпитания (мы так и не смогли выяснить, кто ее положил). Один инвалид принес банку вчерашнего молока и несколько печений, другой — самодельного кваса. Откуда-то возникли конфеты, а когда на обед пришли работающие, нас прямо осыпали доброхотными даяниями. Банка джема — это четверть месячного ларька. И рядом бутылка

рыбьего жира, баночка витамина С, головка чеснока, шоколадка из давней посылки, хранившаяся к какому-то празднику, два пучка зеленого лука — невероятное сокровище, пронесенное из-за зоны за пазухой через шмон и невесть как раздобытое там. (В прошлом году нам однажды продали по полкило в ларьке, да еще совсем недавно, когда приезжала делегация ленинградской общественности, строителям, работающим за зоной, разрешили принести с собой луку «на всех». Ну сколько они могли принести? Всем досталось по два-три перышка. Вот и весь лук, полученный с соизволения начальства.) Нас пригласили «хозяйничать» в нескольких десятках тумбочек, нам отдавали свою диету. Что там «прогрессивная интеллигенция», когда человек, сидящий третий десяток, видевший на своем веку и не такое, отдает последнее, да так, что не откажешься — это остается навсегда.

А начальство было в своем амплуа. После голодовки нам полагались обычная баланда с кислым черным хлебом, всем, в том числе и язвенникам. С питанием язвенников и так дело не весело. Так называемое «диетпитание» (немного улучшенное наше с белым хлебом, молоком и котлеткой в обед и вдвое более дорогое) выдается им через месяц, чтобы не загнулись совсем, и язву, не приведи Бог, не вылечили. Так наши двое диету свою получали в мае, а после голодовки сели на черняшку. И нам еще повезло, что сразу оказались в зоне, что смогли подкормиться помимо столовой. А в прошлом году ребят на время голодовки увезли в общелагерный изолятор, и по окончании им пришлось начинать с казенной селедки.

Последняя деталь, чтобы уже покончить с кормежкой. За все время голодовки из наших заработ-

ков аккуратно вычитают за питание. Не даром же голодать!

11 июня нас еще на работу не вывели, медики не дали. 12-го медики уже не смогли противостоять Кишке, очень уж ему хотелось посмотреть на нас в цеху. Но вечером того же дня была ВТЭК'овская комиссия, решившая, что еще два дня мы работать не можем. Что ж, и на том спасибо.

Так все это кончилось. Пока кончилось, потому что дела мои не лучше, чем были 16-го мая. Что будет завтра, я еще не знаю...

ИЗ ПИСЬМА Ю. ДАНИЭЛЯ

А под конец была еще прелестная интермедия. 8-го мне удалось мельком увидеть Бена. Зрелище это было настолько впечатляющим, настолько не для слабонервных, что я думал-думал — и на другой день отправился к начальству. В итоге разговора было решено, что я пойду к Алику [Гинзбургу] и ребятам и попробую уговорить их прекратить голодовку. Действовать заодно с администрацией — роль не очень завидная, но я решил плюнуть на репутацию оппортуниста — слишком уж страшно мне стало. Бена запросто можно снимать для кинофильма о Майданеке или Освенциме.

Но этот мой трогательный альянс с местным начальством не получил достойного завершения: часа через два — после телефонного запроса в Яvas — мне сказали, что к Алику и ребятам меня не пустят: «По режиму не положено».

Это после того, как в самом начале они меня сами

уговаривали повлиять на Алика, «чтобы он прекратил голодовку».

Я уверен, что это запрещение — результат обычновенной злобы: почти месяц голодает, пардону не просит, людей баламутит, так голодай же, пока паралич не хватит! (А здесь, в Дубровлаге, уже бывали такие голодовки — с параличом).

Слава Богу, Алик тоже увидел Бена и других — и это оказалось единственным, что заставило его остановиться...

ИЗ ПИСЬМА Л. БОРОДИНА

«...А вот такова их история. В свое время они не успели зарегистрировать брак. Когда Алик был арестован, то сразу встал вопрос о свиданиях. Зарегистрировать во время следствия их отказались, но сначала давали свидания, так же как и нам с Галиной. Но в 1968 году вышел указ о запрещении свиданий незарегистрированных супружеских пар. А срок у него 5 лет. После бесчисленных просьб, заявлений, ходатайств с обеих сторон Алик в знак протеста 16 мая этого года объявил голодовку. И началась его почти месячная эпопея. По существующему положению объявившего голодовку администрация лагеря обязана изолировать немедленно; вместо этого Алика 5 дней держали в зоне и выговаривали на работу. Наблюдать все это было невыносимо. Представь себе, рядом с тобой ходит, работает человек, который не ест. Мы, его ближайшие друзья (человек десять), начали валить заявления в разные инстанции. Через 5 дней Алика, наконец, убра-

ли в изолятор. Только на 11-й день мы узнали о том, что его начали кормить искусственным путем. Если бы мне раньше сказали, что человек может не есть 10 дней и при этом ходить на прогулки, в баню, да еще курить и читать литературу по специальности, я бы не поверил. И тем не менее все это было именно так. А комплекции Алик еще скромнее моей, а мой вес 54 кг. А знаешь ли ты, что такое искусственное кормление? Это тебе насиливо вставляют в глотку шланг до самого желудка и вливают через него пищу. Время шло. Алик голодал. В инстанции летели наши заявления, инстанции молчали. Дней через 17 еще двое наших объявили голодовку. А 5 июня я отказался от пищи. Я держал голодовку 5 дней, т. е. до тех пор, пока Алик не прекратил. А он после 25 дней был в состоянии ничуть не хуже моего, а выглядел, говорят, даже лучше. Вот тебе и материя, определяющая сознание! Сейчас намечаются некоторые сдвиги в их проблеме. Ирина должна скоро приехать. Муж увидит жену. А цена! И кому это все надо?

Кстати, ты пишешь, что папа собирался ехать и просить свидание. Несчастные вы мои оптимисты! Никакого-то у вас представления нет о нашей системе! Оптимизм, как известно, есть отсутствие информации. Я вам дам ее однажды и навсегда. Запомните, в нашей системе есть всемогущий всесильный неумолимый бог, именуемый инструкцией. В нашей же системе существуют верующие в этого бога, его жрецы. Вера и поклонение их этому богу, то бишь, инструкции фанатична до беспредельности. Нравственность или безнравственность, мораль или аморализм, добро и зло — все это отсутствует у этих людей, все это заменено инструкцией. Все, что по инструкции положено — есть нравственно,

морально и добро. Все, что не положено — зло. И нет такой силы, которая бы пробила эту несокрушимую стену инструкционизма. Я не осуждаю этих людей. Они несчастны, несчастны вдвойне от того, что не сознают своей уродливости. Вот тебе конкретный пример. Есть у нас такой Юра Галансков. У него язва в очень острой форме. Посылок ему, разумеется, не дают. Нам по норме положено 2400 калорий. При массовом питании обычно часть продуктов не доходят до потребителя. Так что мы получаем, возможно, где-то около 2200 калорий. А это официальное состояние голодаия. Эти калории в виде капусты, рыбы и черного кислого хлеба, отнюдь не благотворны даже для здорового желудка, а язва? Но нам разрешают еще в месяц покупать продукты в ларьке на 5 рублей. Жир, белый хлеб, курево, конфеты. Ни овощей, ни фруктов, ни мяса. У курящих половина этого уходит на курево. Но все же эти 5 рублей кое-какая поддержка для организма. Вот теперь представь себе, этого Юрия надзиратель Кишка, именуемый здесь начальником отряда, за то, что у него на кровати были какие-то неположенные предметы, лишает права пользоваться ларьком. Ведь это ужасно подумать, до какого садизма должен дойти человек, чтобы видя страдания другого, еще усиливать их умышленно, сознательно. Это какое-то получеловеческое, полуживотное состояние. И вот к этому-то человеку папа хочет ехать и просить свидания. Да лучше мне вас не видеть весь этот срок, чем допустить, чтобы папа или ты о чем-то просили или были бы чем-то обязаны этому человеку. Сегодня по инструкции нас можно только лишать ларька и сажать в карцер. Сегодня установка на гуманность. С нами говорят на «вы», на нас не кричат. Завтра придет другая

установка, и этот человек выведет нас в соседний лесок, расстреляет и добросовестно проделает контрольные выстрелы в затылок.

Страшен не столько порядок, который для нас установлен. Страшны те, кто его поддерживает, соплюдяет. И страшны они именно своей добросовестностью, своей слепой преданностью инструкции. Еще пример. К одному из наших приехала мать на трехчасовое свидание. Всю дорогу она мечтала о том, что увидит сына, угостит его булочкой, напоит чаем. И вот произносится это бессмысленное слово: «Не положено!» И старушка недоумевающе прячет в сумку булочку, которую *не положено*. Она не понимает, не понимает этого и тот, кто произносит само слово, не понимает и сын, которому эта булочка в горло не лезет, но ради матери... Нет, дорогие мои предки! Запомните навсегда. Если я когда-нибудь буду чего-либо лишен, не смейте даже думать о просьбах, хлопотах. Все это существует в художественной литературе про проклятые старые времена. С одной стороны — бессмысленно, с другой — унизительно...»

21 августа 1969 года в зоне лагеря состоялась регистрация брака Ирины Жолковской и Александра Гинзбурга.

БИОГРАФИИ

Писавших заявления и принимавших участие в голодовке

1. Л. Бородин
2. Д. Верхоляк
3. Ю. Галансков
4. Б. Гаяускас
5. А. Гинзбург
6. Ю. Даниэль
7. В. Калныньш
8. С. Мошков
9. В. Платонов
10. В. Ронкин
11. С. Сорока

Бородин Леонид Иванович родился в 1938 году в г. Иркутске в семье потомственных учителей.

Первый арест в 1956 году за участие в нелегальном кружке студентов «Свободное слово». Исключен из университета и комсомола.

Окончил педагогический институт. Историк. Работал над диссертацией «Философские взгляды Бердяева». Был директором средней школы и там же преподавал.

В 1964 г. создал Демократическую партию.

В 1965 г. вступил в ВСХ СОН.⁵

Арестован в 1967 году и осужден на 6 лет лагерей строгого режима.

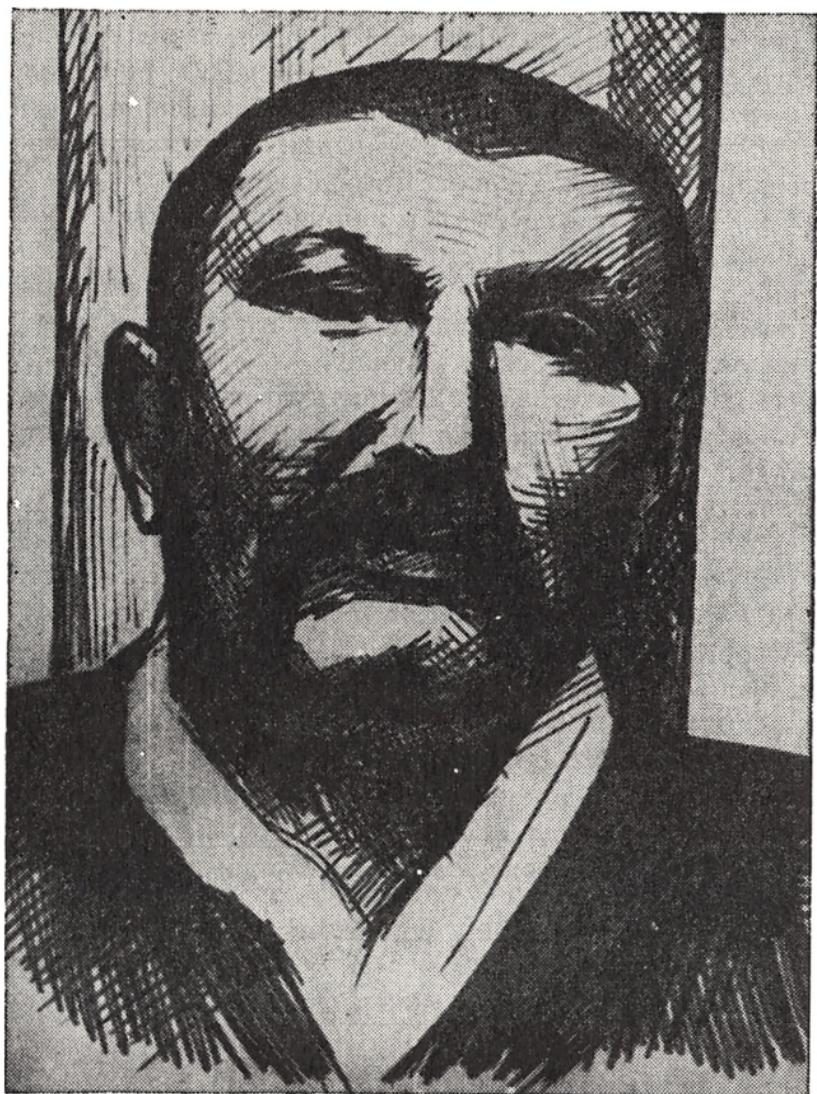
ЛЕОНИД БОРОДИН

Верхоляк Дмитрий Кузьмич родился в 1928 году в Западной Украине в крестьянской семье. С 13 лет жил самостоятельно, т. к. в годы немецкой оккупации семья распалась: родителям пришлось скрываться — стало известно, что они укрывали евреев и молодежь, подлежащую угону в Германию.

В 1947 г. вступил в УПА, был ранен, окончил двухгодичные фельдшерские курсы и с тех пор, вплоть до ареста в 1955 г., работал фельдшером в одном из подразделений УПА.⁶

Был приговорен к расстрелу, который заменили 25 годами лишения свободы.

Его жена, с которой он обвенчался, будучи на нелегальном положении, была приговорена к 10 годам заключения. Отбыла 3 года с лишним (5 лет снято комиссией, остальные — зачеты). Девять раз были личные свидания, с 1966 года (еще до инструкции) — в свиданиях отказано. Работать по специальности в настоящее время, несмотря на острую нужду в медработниках, не разрешают.

ДМИТРИЙ ВЕРХОЛЯК

Гаяускас Балис родился в 1926 году в западной части Литвы в крестьянской семье. В 1933 г. поступил в Каунасскую начальную школу, учился там до 1943 года. Во избежание отправки в Германию поступил работать на железную дорогу.

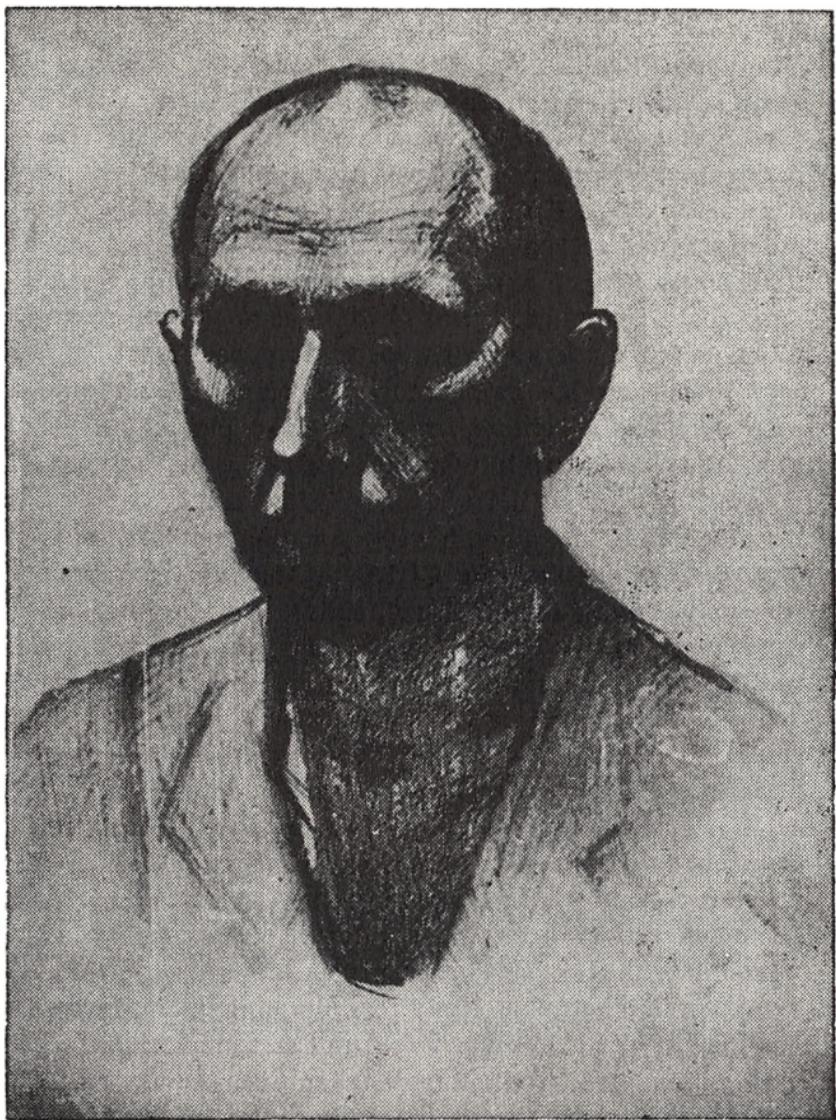
В 1943-44 гг. участвует в национальном движении Литвы. В 1944 году Гестапо производит обыск на его квартире, и в этом же году он попадает в концлагерь в западной части Литвы. Спустя полтора месяца бежал, вернулся в Каunas.

В 1945 г. поступает в Каунасскую подпольную организацию национального движения, одновременно с 1945 по 1947 год продолжает учебу.

В 1948 г. арестован и осужден судом Прибалтийского военного округа на 25 лет лишения свободы (статья 58-1а — измена Родине; ст. 8 — террор; ст. 10 — антисоветская агитация и пропаганда; ст. 11 — организационные действия — УК РСФСР). Арестован на явке. Во время ареста отстреливался.

С 1949 по 1956 годы содержался в Казахстанских лагерях. С 1956 по 1969 годы содержится в лагерях Мордовии. За время пребывания в лагерях около 250 суток пробыл в карцере.

В 1961-62 г.г. содержался во Владимирской крытой тюрьме.

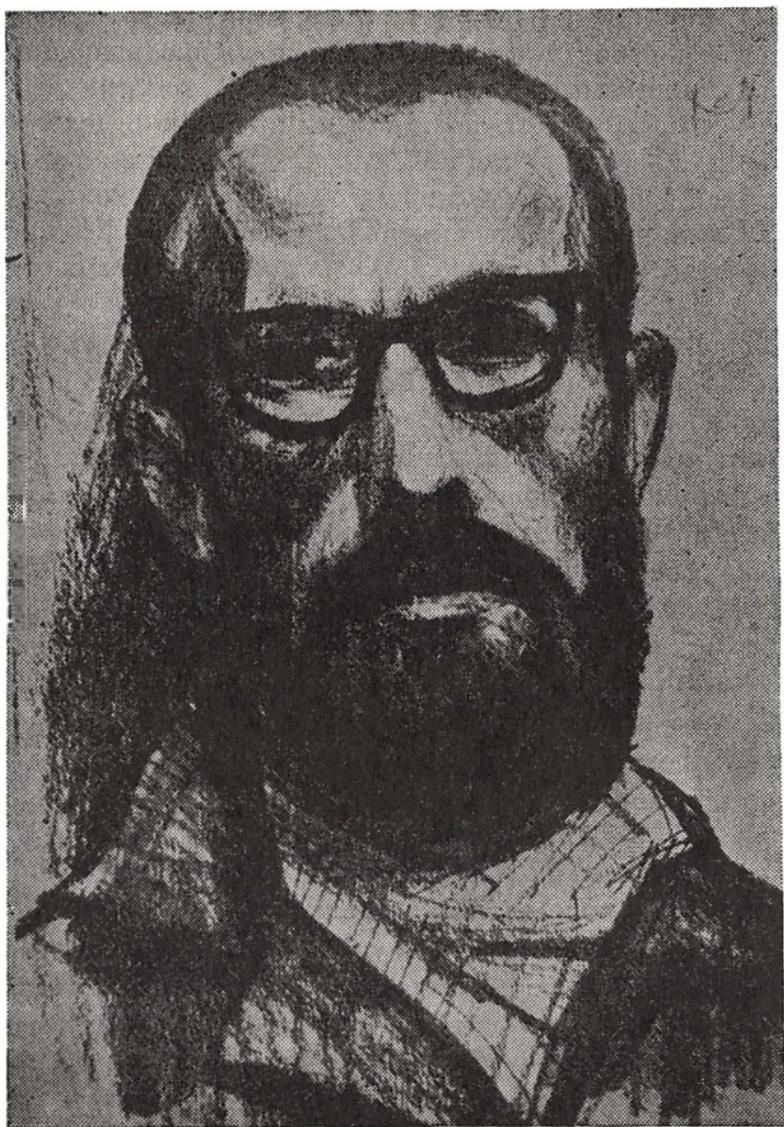
БАЛИС ГАЯУСКАС

Галанков Юрий Тимофеевич родился 19 июня 1939 года в Москве, в рабочей семье. С ранней юности ему пришлось самому зарабатывать на жизнь. Он работал электриком в театре и одновременно учился в школе, затем был лаборантом в станкостроительном техникуме, рабочим Литературного музея. Испытывая интерес к вопросам истории и социологии, два года проучился на историческом факультете Московского государственного университета.

В 1961 году Ю. Галанков выпустил машинописный сборник «Феникс», в котором, в основном, были помещены стихи официально не печатавшихся поэтов.

В 1965 году Галанков устроил одиночную демонстрацию у посольства США в Москве, протестуя против американской интервенции в Доминиканской республике. Тогда же он задумал издание пацифистского журнала или сборника под тем же названием «Феникс» и начал собирать для него материалы. Однако, суд над Синявским и Даниэлем изменил его планы. Возмущенный несправедливостью и суворостью приговора, Галанков решил придать своему сборнику несколько иной характер, т. е. включить в него материалы — литературные, религиозные, политические, — которые отказались издать официальные издательства или запретила цензура. Галанков закончил составление сборника в декабре 1966 года и поставил под ним свою подпись.

В январе 1967 года Ю. Галанков был арестован. Осужден по ст. 70 и 88 УК РСФСР и приговорен к 7 годам лагерей строгого режима. Наказание отбывает в Мордовских лагерях.

ЮРИЙ ГАЛАНСКОВ

Гинзбург Александр Ильич родился 21 ноября 1936 года в Москве. В школе он увлекался поэзией и был актером школьного театра. По окончании средней школы работал токарем и одновременно выполнял репортерскую работу для газеты «Московский комсомолец». В 1956 г. поступил на вечернее отделение фак-та журналистики МГУ. В 1957 г. принимал участие в работе советского подготовительного комитета VI Международного фестиваля молодежи в Москве, работал пом. режиссера на съемках фильма о фестивале. В 1958 г., продолжая заочно учиться в университете, был актером в Кимрском драм. театре.

В 1959-60 годах А. Гинзбург начал выпускать машинописный журнал «Синтаксис». Журнал (всего вышло 3 номера) включал в себя только стихи, в основном уже официально печатавшихся советских поэтов. Однако КГБ усмотрел опасность в попытке выпускать нецензуренные машинописные сборники. В 1960 г. он был арестован, исключен из университета и помещен в Лубянскую тюрьму. Органами КГБ было начато следствие по ст. 70 УК РСФСР. Однако никакого, очевидно, убедительного обвинения против Гинзбурга выдвинуть не удалось. Следствие по ст. 70 было прекращено, но по ст. 196 ч. 1 УК РСФСР Гинзбург получил максимальный двухлетний срок. (Он был обвинен в том, что, желая помочь товарищу, сдал за него экзамены.)

Осенью 1966 года Гинзбург составил сборник под названием «Процесс Синявского и Даниеля». Считая приговор несправедливым, а информацию о процессе недостаточной, он хотел познакомить со сборником советскую общественность и органы власти и добиться этим пересмотра дела.

В январе 1967 года А. Гинзбург был арестован,

АЛЕКСАНДР ГИНЗУРГ

осужден по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР и приговорен к 5 годам лагерей строгого режима.

Даниэль Юлий Маркович родился в Москве в 1925 году. Его отец А. Мейрович (литературный псевдоним Марк Даниэль, умер в 1940 г.) был известным еврейским писателем.

В 1943 г. Юлия Даниэля призвали в армию. Осенью 1944 года в Восточной Пруссии Даниэль был ранен — автоматная очередь перебила ему руку. После госпиталя в 1945 г. Даниэль был демобилизован, получив инвалидность I группы.

После войны он учился сначала на филологическом факультете Харьковского университета, потом заочно окончил литературный факультет Московского педагогического института.

В 1950 году он женился на Ларисе Богораз — студентке филологического фак-та Харьковского университета. В 1951 году у них родился сын Александр. Долгое время Даниэль с женой не могли найти работу как евреи (а у Богораз, кроме того, отец был репрессирован). В конце концов они устроились учителями в Калужской области. В 1954 году они переехали в Москву. С 1955 года Даниэль занимается литературной деятельностью.

С 1959 по 1964 год Даниэль печатает на Западе под псевдонимом Ник. Аржак 4 произведения — «Руки», «Говорит Москва», «Человек из МИНАПа», «Искупление».

В сентябре 1965 года вместе с Андреем Синявским, печатавшимся на Западе под псевдонимом Абрам Терц, арестован по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. Им инкриминировалась передача на Запад и публикация там произведений антисоветского содержания.

ЮЛИЙ ДАНИЭЛЬ

В 1966 году осужден Верховным Судом РСФСР на 5 лет лагерей строгого режима.

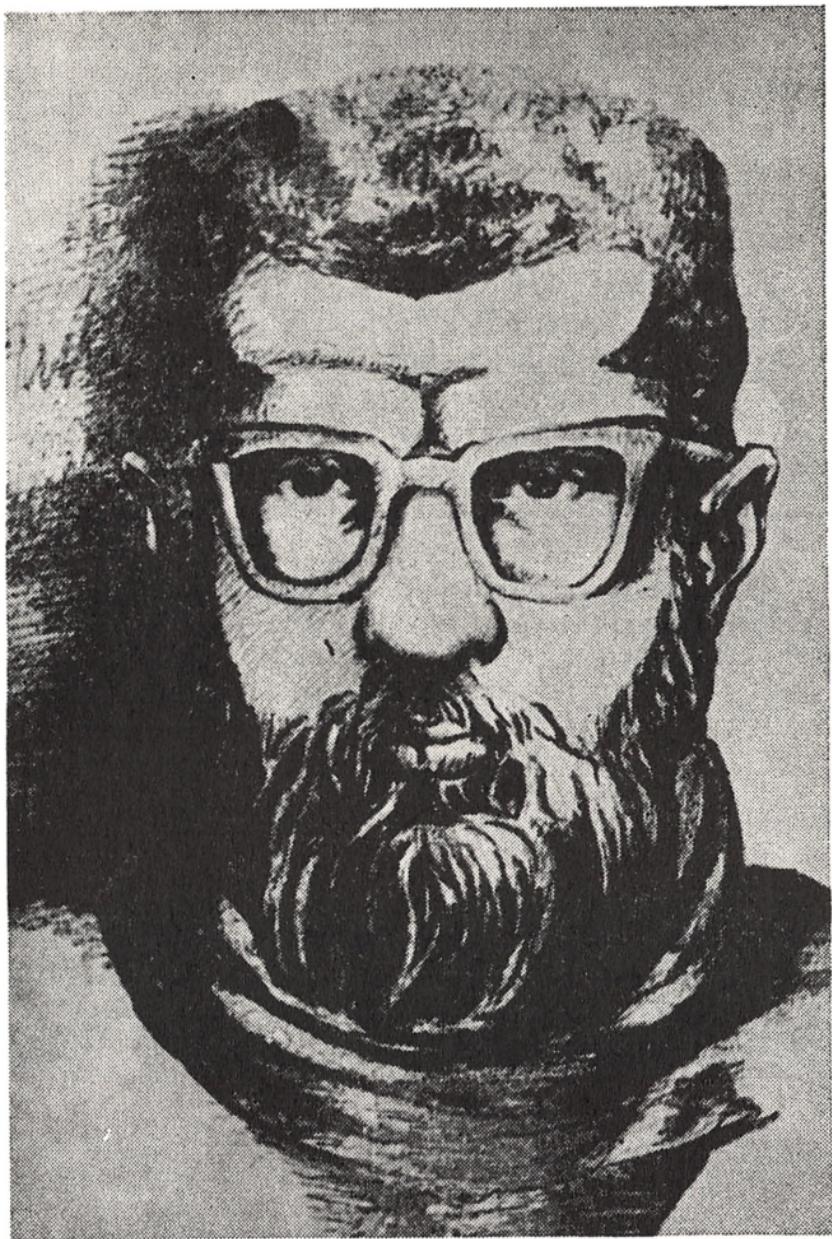
Калныньш (Калнынь) Виктор Янович родился в январе 1938 года в Москве в семье латышских политических эмигрантов, старых коммунистов, активных участников революционных событий 1917 г. и гражданской войны. После окончания гражданской войны его родители, оставшись в Советском Союзе, находились на различных государственных и партийных постах. Акции политической расправы 1937-38 гг. не миновали и его семью.

В 1960 г. Виктор Калныньш окончил Московский гос. педагогический институт и получил диплом преподавателя русского языка, русской литературы и истории. По окончании института некоторое время работал в Москве в изд. Академии наук СССР, а затем в Риге — занялся журналистикой, был сотрудником профсоюзного журнала вплоть до своего ареста в апреле 1962 года.

В студенческие годы был связан с нелегальным марксистским кружком «Союз революционного ленинизма». В конце 50-х годов оформились взгляды Калныньша по нац. вопросу. Он пришел к выводу, что свободное развитие нации возможно лишь на основе гос. суверенитета нации. Эти взгляды — причина его ареста КГБ, а также ряда его друзей (Кнута Скусниекса, Улдиса Офканта, Дайлна Райниекса, Гунара Роде и др.)

Им инкриминировалось создание подпольной антисоветской националистической организации и антисоветская агитация и пропаганда.

Верховным Судом Латвийской ССР Калныньш был приговорен к 10 годам лишения свободы в лагерях строгого режима. Срок его кончается в апреле 1972 г.

ВИКТОР КАЛНЫНЬШ

Мошков Сергей Николаевич родился в семье врачей 8 сентября 1939 года в дер. Надбелье Ленинградской области.

После окончания школы служил в армии, работал лаборантом в школе.

В 1961 году поступил учиться на биологический факультет Ленинградского государственного университета, который, однако, окончить ему не удалось.

В 1965 году студента 5 курса Мошкова арестовали за участие в марксистском кружке «Союз молодых коммунаров» (Ронкин, Хахаев, Гаенко, Иофe, Смолкин и др.).

Верховным Судом РСФСР Мошков был приговорен к 4 годам лагерей строгого режима.

Сорока Степан родился в 1932 году в селе Кричильк Ровенской области в семье крестьянина. После окончания 7 классов вечерней школы сельской молодежи поступил в педучилище. Не окончив его, поступил в Киевский гидромелиоративный институт. Для того, чтобы обеспечить себя, одновременно работал на деревообрабатывающем комбинате.

В начале апреля 1952 года был арестован из-за нескольких брошюр националистического содержания, которые читал и обсуждал с друзьями. Получил 25 лет лишения свободы (ст. 51-10, измена Родине; 54-11 — организация). В конце 1952 г. попал в Воркутинские лагеря.

В 1956 году Комиссией Президиума Верховного Совета СССР был освобожден со снятием судимости.

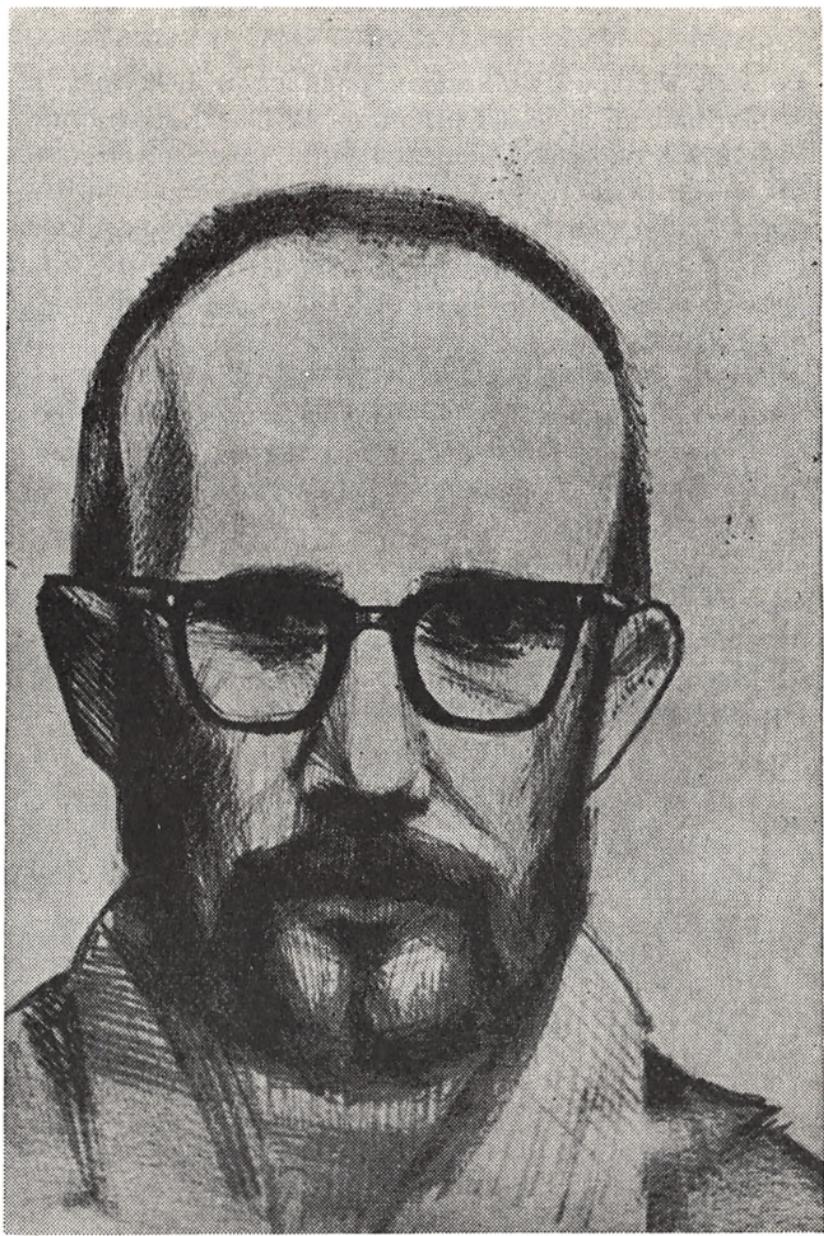
В 1957 году по доносу арестован снова. Обвинялся в организации покушения на Н. С. Хрущева. Когда абсурдность обвинения стала очевидной даже для КГБ, обвинение было снято. Однако по ходатайству КГБ Президиум Верховного Совета СССР отменил решение об освобождении и восстановил приговор по первой судимости.

В 1958 г. попал в Иркутские лагеря (Чуна), а затем, с 1960 года — в Мордовские.

Родители: отец 78 лет, мать 70 лет.

Платонов Вячеслав родился в семье рабочего в 1941 году в г. Ленинграде. В 1958 г. поступил на восточный факультет Ленинградского государственного университета. В 1962 г. Платонов в учебной командировке в Эфиопии (в университете им. Хайле Селасие I), а в 1963 г., окончив университет, поступает в аспирантуру. Работал над диссертацией «Эфиопская историография. Хроники XIV-XV вв.» Защита была намечена на весну 1967 года, но не состоялась, т. к. 17 февраля того же года Вячеслав Платонов был арестован по делу Всероссийского социал-христианского Союза освобождения народов.

5 апреля 1968 года осужден на 7 лет лагерей строгого режима. К моменту ареста занимал должность ассистента кафедры африканистики. Имеет печатные труды.

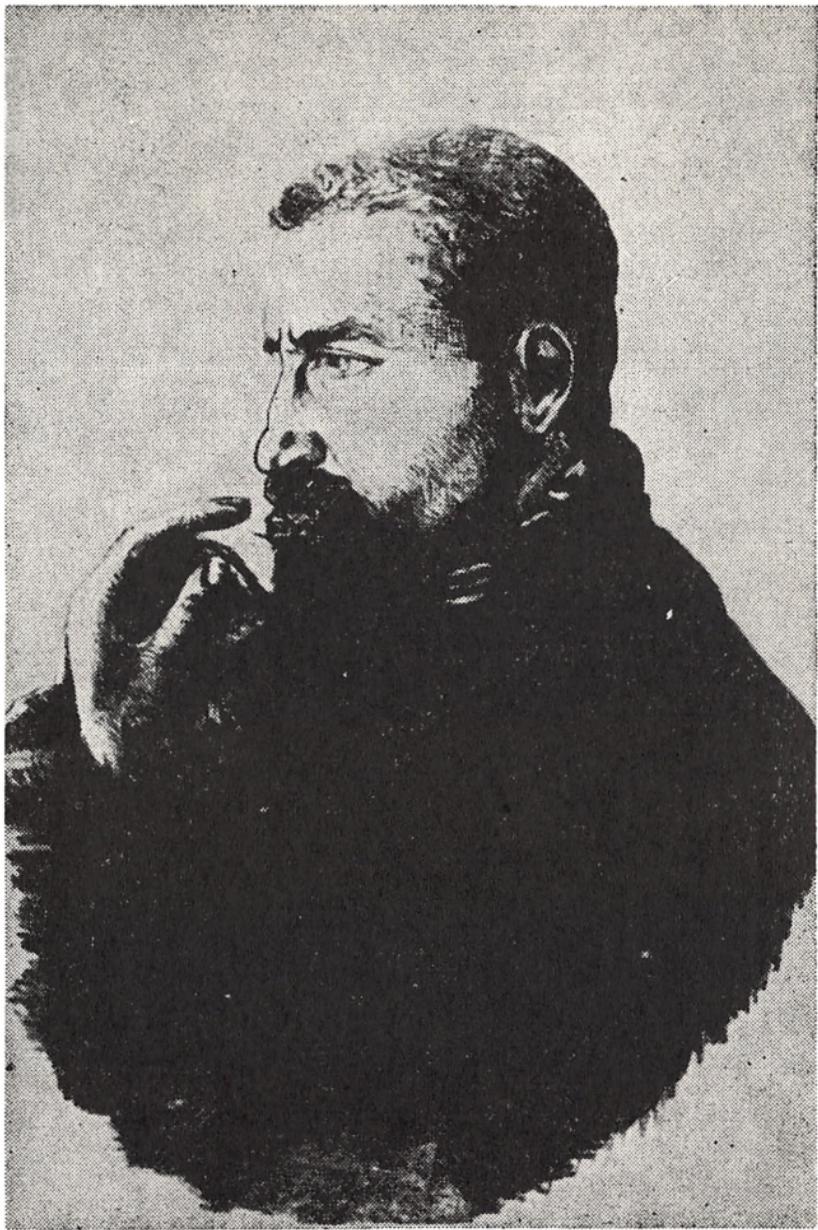

ВЯЧЕСЛАВ ПЛАТОНОВ

Ронкин Валерий Ефимович родился в 1936 году в г. Мурманске в семье рабочего. В 1954 г. поступил, а в 1959 г. окончил Ленинградский технологический институт. В институте занимался комсомольской работой, был членом штаба комсомольского патруля. (см. книгу «Комсомолия Технологического», Л., 195? г. Там же см. о его подельниках Хахаеве, Гаенко, Иофе).

После окончания института участвовал в пуске химических и нефтяных заводов в г. Омске, Уфе, Стерлитамаке, Куйбышеве, Тольятти. Последнее время работал в Ленинграде в институте синтетического каучука.

В 1963 году написал в соавторстве с Хахаевым книгу «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата». В 1965 г. по делу «Союза коммунаров» осужден на 7 лет лишения свободы в ИТК⁷ строгого режима и на 3 года ссылки.

ВАЛЕРИЙ РОНКИН

П р и м е ч а н и я

1. МООП — Министерство охраны общественного порядка (так называлось Министерство внутренних дел — МВД — с 1962 по 1968 год).
2. ГУМЗ — Главное управление мест заключения.
3. ЖЭК — Жилищно-эксплуатационный коллектив.
4. ГУИТУ — Главное управление исправительно-трудовыми учреждениями.
5. ВСХ СОН — Всероссийский социал-христианский Союз освобождения народа.
6. УПА — Украинская повстанческая армия.
7. ИТК — Исправительно-трудовая колония.

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо Юлия Даниэля	5
Письма Александра Гинзбурга	17
4-й день голодовки	35
8-й день голодовки	41
13-й день голодовки	49
16-й день голодовки	61
18-й день голодовки	73
21-й день голодовки	89
Выдержки из писем	
Из письма А. Гинзбурга	97
Из письма Ю. Даниэля	105
Из письма Л. Бородина	106
Биографии писавших заявления и принимавших участие в голодовке	113
Примечания	135